

ОЛЬГА АРУНД

ЛЕКАРЬ ДЛЯ ИМПЕРАТОРА.
ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

Ольга Арунд
Лекарь для императора.
Обмануть судьбу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70288858

SelfPub; 2024

Аннотация

Он появился незванным и чуть не умер в моей постели. Я почти погибла, спасая его. И мы бы разошлись, если бы императора не убивала собственная сила, а я не оказалась его единственным средством протянуть следующий год. Осталось объяснить всё это наследнику трона, что тоже меня хочет и втиснуть очередное спасение в мои планы. А, и сохранить дворец, когда у меня, наконец, лопнет терпение!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	79
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Ольга Арунд

Лекарь для императора.

Обмануть судьбу

Пролог

Я люблю балы. Очень. Всегда можно поднять себе настроение.

Например, сегодня графиня Таберг воткнула в голову облезлые перья и считает, что красавица. А её почти разорённый муж подкатывает свои... гхм кудри к испуганной молоденькой дебютантке.

– Ваше сиятельство.

Спрятала ехидную улыбку, поклонилась обоим, состроила счастливый вид.

И, пока занималась непонятно чем, упустила виновника торжества. Красивейшего, умнейшего, опаснейшего, светлейшего, добрейшего, благодетельнейшего и далее по списку. Сámого, сожри его фаркасы, властного мужчину этого дворца. Величайшего императора за всю историю империи Оришан.

И недобитого диктатора, из-за которого моё новое зелье – взгляд на руку, – через четверть часа превратится в зелёную,

склизкую и бесполезную жижу. Вместо того чтобы спасти – возможно, – сотни и тысячи жизней!

Р-р!

И как бы понятно, императору не отказывают. Не в этом дворце и не Лориану III. Особенно когда тебя припирают к стенке и не требуют, нет. Всего лишь нежно держат за горло и сообщают, где и когда ты должна быть. Негромко, спокойно. С убийственным выражением в ледяных глазах.

Чтоб его!

И плюс всего этого только в том, что покормят меня прилично и вовремя. Потому что последнее время мы с Алеком забывали про еду, пока не начинали валиться с ног. Ещё бы! Такое доверие и от кого! От самого лекаря Торнграва! И плевать, о чём там шушукались по всем углам дворца.

Мы спим вместе? Да, бывало. Чаще всего головами на столе. Мы одни даже при полном зале? Естественно! Потому что у Алека шикарное чувство юмора, а между нами понимание, какого не было ни с кем и никогда. По одному его взгляду я точно знаю, куда смотреть и над чем смеяться. Или что сейчас взорвётся.

И в целом Алек Торнграв – шикарный, знающий женщин маг. И, может, я бы вышла за него, не будь он бесполезен для любой женщины двора. Просто потому, что в предместьях Унаша его ждала...

– Ваше сиятельство?

Глубокий баритон, хищный взгляд, поданная рука – как

всегда без перчатки. Словно его императорское величество не боится ни яда, ни болезни.

Может, и не боится, но лучше ему от этого не становится. Я видела. И даже мне, бывалому лекарю, приходилось стиснуть зубы от этого зрелища.

– Мой император.

Спohватилась поздно. Уже после того, как ближайшая ку-мушка ахнула, прижала руку ко рту и во все глаза уставилась на нас.

«Император», произнесённое с явным сарказмом, да ещё и мой. Шаргхов Лориан III! Не таскался бы ко мне через вечер, я бы, может, осталась в рамках восхищённого «ваше императорское величество». Представляю, как завтра повеселятся сплетники, а послезавтра родители. Они едва пережили мою якобы связь с Торнгравом, но дочь – любовница императора точно уложит их в лечебницу.

Но пока созывала на голову, свою и венценосную, все кары Анершерата, величество вёл меня через толпу. Зачем и куда? Даже знать не хочу. Хочу, чтобы мне дали высочайшее соизволение вернуться к себе и спасти зелье. Которое тоже может кого-нибудь потом спасти. По крайней мере, я очень на это рассчитывала.

Нога в туфле с высоким каблуком споткнулась о ступени. Император, конечно, удержал и не дал опозориться. Но откуда лестница в Малом тронном зале?

Я, наконец, отвлеклась от нецензурных мыслей и огляну-

лась. Поздновато, если честно. Потому что к этому моменту мы с его величеством поднялись к трону. И только сейчас я заметила рядом с ним... кресло? Ещё один трон? И услышала, как мимо пролетает, запоздалая в середине осени, муха.

Да потому что шумный, весёлый бал накрыло мёртвой тишиной.

А этому... а этот! Ему хоть бы что!

Плевал он, что до этого великолепного момента к трону дозволялось приближаться лишь её императорскому высочеству Рэнэйт и отбитым близнецам. И то, только чтобы скромно постоять рядом. Ещё император глубоко плевал, что Алек вопросительно поднял бровь, глядя на нас. И что отец потянулся к эфесу, а мама едва держалась на ногах.

Ладно хоть Эль со своим степняком не застала моего позора. Вот бы кто повеселился, так это они.

– Ассёа шантáр идёр (Отдаю свою жизнь).

Стоять! Это действительно то, что я услышала или вместе с совестью у кого-то отбило мозг?

– Ассеа шантар удаш (Отдаю свою душу).

О нет, мой древне-анершератский не настолько плох. Я понимала каждое слово, как и то, чем они грозили.

И пусть только попробует закончить! Убью собственными руками. Наплюю на кодекс врачей и убью. Просто помогу немного... сдохнуть в очередной занимательный приступ, раз уж с самоубийством император прекрасно справлялся сам.

– Ассеа шантар торйш (Отдаю свою любовь).

Я даже рывкнуть не успела, как этот... этот... шаргхов сын и по совместительству император поклонился. Мне! И взял безвольную от такой наглости ладонь. И поднёс к губам. И поцеловал, чтоб ему пусто было!

Но и этого представления насмешнику, получающему явное удовольствие от происходящего, показалось мало. Он подвёл меня к... да трону! Второму, который поменьше. Подвёл, помог сесть, всем видом предложил наслаждаться милостью, чтобы ему в ней задохнуться!

И вернулся на своё законное место.

– Асса ирде торишан! – в едином выдохе склонился двор.

Отвечая древним пожеланием счастья в ответ... да на поганейший, самый позорный и давно забытый ритуал Оришана.

А я...

Я, пульсар им в глотку, официально оказалась в любовницах императора!

Глава 1

Незадолго до.

– Прошу, асса. – Старый слуга низко поклонился. – Ваши комнаты.

Глубокий вдох, и последний решающий шаг на пути к признанию. В первую очередь – моих заслуг, ненапрасных лет в лечебнице и противостоянию всем и вся.

– Комнаты лекаря Торнграва за следующей дверью по левой стороне. Он приказал поселить вас рядом. Это самая защищённая часть дворца, его сердце, – с неподдельной теплотой обронил слуга.

– Вы давно здесь служите?

Я прошла в богато обставленную гостиную. С ней не могла сравниться даже спальня любимой дочери главнокомандующего империей, хотя папа никогда и ни в чём нам не отказывал. С другой стороны – увешать стены искусно написанными, словно живыми пейзажами мне бы и в голову не пришло.

Гораздо интереснее выглядело тело человека в разрезе.

Между прочим, подобных рисунков насчитывалось едва ли десятков, их нарисовал неизвестный, но талантливый лекарь Ромус. Да, картина написана с натуры, а, значит, жутко реалистична. И да, Ромус без разрешения выкопал труп и провёл вскрытие. Зато ни одно анатомическое пособие так

подробно не освещало расположение и форму органов.

И отдельное спасибо асьёру Бáренсбергу, заведующему Уна́шской лечебницей, что подарил мне такую прелесть. Правда, он рассчитывал на бо́льшую благодарность. Но может радоваться, что после того, как распустил руки, остался при всех своих, потрёпанных выпивкой, органах.

– Восемьдесят лет. И могу гордиться, что застал его императорское величество Алемдáра, а теперь и его императорское величество Лориана III. Это великие монархи, величайшие из всех, кто...

Да-да, ничего другого от слуг, что прислуживали в сердце дворца – фактически самому императору, – и не ожидалось. Не слушая восхвалений правящей династии, я поставила багажную сумку из плотной кожи на стол. Для этого пришлось подвинуть поднос с хрустальными розами, которые от такого обращения жалобно звякнули.

– Благодарю за помощь, – разворачиваясь и протягивая слуге золотой кранль. – Я могу к вам обращаться, если...

– Что вы, – он принял монету и снова поклонился, – я всего лишь старый, дряхлый слуга. Для её сиятельства назначили трёх самых проворных и молодых девушек из штата прислуги.

Тогда где эти проворные и молодые шлялись?

– Нижайше прошу прощения, – в голосе старика прорезалось беспокойство, – наверняка их отвлекли по нуждам его императорского величества.

Конечно. Как будто кто-то во дворце не знал, какие нужды к служанкам бывали у Лориана III.

– Всё в порядке, вы можете идти.

Старик попятился спиной, издеваясь над миёрскими моллюсками, которые передвигались похожим способом, пока не упёрся за... тылом в дверь.

– Асса ирдэ торишан! – выдал он древнее пожелание счастья, принятое в империи, и, наконец, исчез за дверью.

– Рианы, – со смешком покачала головой, – попала так попала.

Взгляд наткнулся на, сдвинутое моими стараниями, послание. Хмыкнув, наклонилась за ним, для чего пришлось практически лечь на стол.

«Доброго дня, милейшая асса Кéвинбург. Жду вас завтра в шесть часов утра в лаборатории. Вас разбудят, встретят и проводят. С любовью, А.Т.»

Витиеватый, с завитушками и вензелями почерк, и размашистые инициалы. Алек Торнграу. Тот, кто родился в Миирии и прожил там первые пятнадцать лет своей жизни, впитав манеры, ласковый взгляд, томный голос и все эти «милейшие». Вот только надолго в родной стране Торнграу не задержался.

В пятнадцать он спас первого пациента. Просто шёл по улице, когда упала женщина перед ним. Торнграу на глаз определил венозную лихорадку, хотя не знал, что она так называлась, а потом сунул больной в рот или́н – острейший

перец, который повсюду используют в Миерии. Тем самым остановил приступ и помог дожждаться настоящей помощи.

А в шестнадцать его имя впервые появилось в «Вестнике Оришана». Появившийся словно из ниоткуда, Торнграва вдруг доказал, что нет прямой зависимости между кровопусканием и выздоровлением от инфекционных заболеваний.

А с семнадцати до двадцати одного он сделал ещё двенадцать открытий, полностью изменив лечение... да всего. И став самым ненавидимым лекарем в империи.

Как же, наши стариканы рвали и метали, когда их называли дураками, ничего не смыслящими в медицине. Вот только правда и, что важнее, наука оказались на стороне Торнграва.

Который в двадцать три получил должность личного лекаря его императорского величества Алемдара. Правда, когда того отравили, всё равно ничего не смог с этим сделать.

Я читала научные труды по теме. Лориан, пришедший на смену отцу, не запрещал лекарям разбирать смерть Алемдара на составляющие. Надеялся, что хоть кто-нибудь найдёт ответ? Лекарство? Не знаю. Но всё, что нашли прославленные умы – относительно молодого ещё Алемдара не спас бы никто.

Впрочем, это не мешало злым языкам судачить, что после такого провала Торнграва попрут со двора, а то и казнят. Однако он и поныне здесь. В той же должности, с заметно увеличившимся списком регалий и, по слухам, безграничным доверием Лориана III. Хотя насчёт последнего меня терзали

сомнения – вряд ли его императорское величество доверял в этой жизни хоть кому-либо.

И его трудно судить, учитывая, сколько переворотов прошли мимо, только благодаря императорской воле, уму и жестокости.

Вздыхнув, обнаружила себя всё ещё сидящей на столе. Спрыгнула, смахнула мнимые пылинки с брюк.

Хватит просиживать тылы. Время к вечеру, а у меня ни сумки не разобраны, ни вещи не уложены.

Нахмурившись, вспомнила служанок. Теми самыми словами, которые не пристало знать «светлости». И скривилась ещё больше.

Потому что императорский дворец это вам не лечебница, пусть даже главная и столичная. Здесь мне не дадут расхаживать в куртках, штанах и сапогах.

И вот кто виноват, что как раз эта одежда самая удобная для лекаря! Особенно когда его выучили по боевой специальности. Тем более что приставка «боевая» стояла не для красоты, нас действительно учили всякому. Не всегда приятному, но всегда способному спасти жизнь – себе или тому, кто окажется рядом.

И слава Оллэйстару, он никогда не заставлял боевой факкультет обряжаться в юбки и кружева. Дважды в год на торжественной речи? Легко. Но каждый день копать в грязи, кишках и крови – иногда собственной? Шаргха с два!

Осталось выяснить, как к этому вопросу относится Торн-

грав. И доказать, что пышные юбки, шлейфы и спущенные плечи – худшая одежда для лекаря, если он действительно лекарь. А не секретарь, который только и умеет перекладывать бумажки и строить умный вид.

Да простит меня Лея за принижение её специальности, хотя она сама ни дня по ней не работала. Да и когда, если ты замужем за одним из самых деятельных боевиков империи, даром, что всё ещё без титула. А ещё ни дня не можешь сидеть без дела, то обучаясь на артефактора, то на заклинателя, то, помогая столичной библиотеке рианы знают в чём.

И это я по её словам с шаргхом в...

В дверь постучали. А сразу после в неё протиснулись три девицы.

Подняв бровь, окинула взглядом. Декольте – ниже, чем предполагала форма, юбки – с недопустимыми для слуг кружевами и туфли с фривольными бантиками на мягкой коже. У всех троих.

И вот вопрос, меня сюда точно работать позвали? Или мама всё-таки подсуежилась? Таким хитрым способом засунула меня в главный рассадник срамных болезней... в смысле завидных женихов, конечно. Завидных женихов.

Половина из которых уже раз по пять пролечились от...

– Нижайше просим прощения, ваше сиятельство. – Все три синхронно склонились до пола.

Близняшки, что ли? Слишком одинаковые.

– Нас задержали по важнейшему императорскому делу.

И вроде говорила та, что повыше серьёзно, но правая всё равно не сдержалась и хихикнула. Извинилась, конечно, но мне их извинения до того же места, где, по уверениям Леи, у меня шаргх.

– Вещи разобрать в шкаф. В кабинет не заходить, не прибираться. К колбам руки не тянуть, части тел, животных и ингредиенты не трогать. Всё ясно?

От распоряжений они присмирели и наконец-то стали соответствовать должности.

– Но как же, – пискнула смешливая, – ваше сиятельство, мы должны... приборка...

– Жить хотите? – с усмешкой. – Тогда не советую копать-ся в вещах боевого лекаря, пять лет проработавшего с бедняками и другим отребьем. Ис-спол-нять!

От рывка они присели ещё ниже, ойкнули и разбежались в разные стороны, хотя должны были в одну.

Люблю совмещать родительскую науку – мамин холодный взгляд и осанка идеально ложились на папину дисциплину и умение отдавать приказы.

Но отвлеклась я зря.

– Не трогать! – рывкнула в последний момент, когда смешливая уже потянула сумку.

Поздно. Эта идиотка разжала руку как раз тогда, когда не надо было. И полная сумка готовых зелий и не самых безопасных ингредиентов полетела на пол.

Чтоб тебя фаркасы сожрали!

Но, к счастью, навыки никуда не делись. Хватило двух движений и какого-то мига, чтобы сплести заклинание и бросить его в сумку, которую я даже носильщикам не доверила. Так и несла в руках – до экипажа, после него и на колёнях во время всей поездки.

– Простите, – пискнула эта...

– Вон! – и пальцем на дверь.

Плевать, что неприлично. Зато эта умница не убьётся в первые же дни, если не часы моего пребывания во дворце.

– Н-но, – бросилась в слёзы девица, – я же... я...

– Мне хватит двух, – отчеканила.

И та понуро поплелась к дверям, спиной вперёд, как старик перед ней. У них здесь фокусы, что ли, такие? Впервые вижу, чтобы слуги вели себя так по-идиотски. Или злой император заставляет?

Тем временем девица поклонилась, хлопнула носом, продемонстрировала текущие по щекам слёзы и, наконец, вышла.

Рианы! Да пусть хоть всему дворцу растреплет какая я самодурка. Главное, жива останется.

И вдвойне приятно, что наученные опытом подруги, оставшиеся две разобрали и привели вещи в порядок в кратчайшие сроки. То ли боялись, что и их выгоню, то ли умереть от случайного прикосновения к сумке – учитывая, какие взгляды на неё бросали.

Фыркнув, взяла багаж и пошла к двери, которая должна

бы вести в кабинет. Чутьё не обмануло – по ту сторону нашлось просторное помещение со столом, книжными шкафами, диваном, парой кресел и ещё одной дверью.

Недолго думая, сбросила на диван тяжеленную чернильницу – кому она сдалась в наше время! – и статую грифона. И с одной стороны, понятно, что чёрная, расправившая крылья, птица – герб династии и, заодно империи, но с другой – мне-то куда эту тяжесть.

Пусть скажут спасибо, что положила на диван, а не прямой дорогой в окно.

Подумав, также освободила книжный шкаф – тот ещё рассадник пыли и грязи из-за бесполезных геральдических альбомов и справочников высоких фамилий. Запыхалась, вконец растрепала простую косу, вспотела, но осталась довольна. Особенно после того, как разложила самое опасное из сумки на верхние полки шкафа и добила сверху десятком заклиний. Опасных и вредительских, всё же я не в академии и даже не в лечебнице – если там лезли без спроса ради любопытства, то здесь точно для каких-нибудь гадских целей.

А на стол, теперь пустой, отправились горелка, свёрток с ножами и скальпелями, змеевик, колбы и всё для соединения их в одну систему. Привычно собрала её за пару минут, хотя раньше на это уходило больше часа. Спасибо куратору Рóббергу в лечебнице – показал и научил как быстрее и эффективнее готовить лекарства, зелья и мази.

И только после этого осмотрела кабинет и осталась до-

вольна. На остатках сил сгрузила лишние талмуды в дальний угол и прикрыла тяжёлой портьерой.

И всё, конечно, прекрасно, но куда сунуть это?

Со вздохом встала над чернильницей и грифоном.

Может, отдать девицам? Но тут же поморщилась. Нет, эти сразу нажалуются, что гостья не уважает родину, императора и, вообще, гнать её отсюда. А мне гнаться нельзя. Хотя бы, пока не выясню, сколько у Торнгравы власти во дворце и как далеко она распространяется. Чтобы в будущем ставить девиц на место одним только его именем.

Но Торнграв будет не раньше завтра, а тяжести мешают уже сейчас. Хотя...

В одну руку взяла чернильницу, которой самое то убивать, во вторую – грифона и притащила всё в гостиную. Убрала со стола поднос с розами – на кой шаргх они-то мне! – и поставила вместо него обе убийственные штуки.

Хм, а вполне. Правда, гостиная ещё больше перестала напоминать девичью, но ничего. Тем более, я ещё свои картины не развесила. И, кстати, сделать бы это побыстрее, может, так и в гости никто не захочет.

По крайней мере, я знала очень немногих магов, не говоря об обычных титулованных идио... не одарённых мозгами асьеров, которые могли спокойно смотреть на строение желудочно-кишечного тракта. Во всей реалистичности талантливого художника.

– Мы закончили, – раздалось тихое за спиной.

Повернулась, чтобы убедиться, спеси, болтливости и распушенности у девиц поубавилось. Порадовалась, что не у всех во дворце проблемы с головой и отпустила служанок царственным жестом. И снова та же походка моллюска.

Нет, это невероятно! Неужели здесь так принято? Это же цирк какой-то. Но следующие часы доказали, что он и есть.

Потому что кто ко мне только не зашёл! Слуги и служанки пачками таскали приглашения от своих хозяев. И все эти обитатели двора свидетельствовали своё почтение уважаемой графине Кевинбург, выражали радость от моего здесь пребывания и обещали всяческую помощь.

Только в чём? В препарировании трупов? В варке дико вонючих и опасных зелий? Или, может, хотели взять на себя роль пациентов?

Кстати, насчёт последнего я бы не возражала. Ещё с академии у меня остались пара-тройка зелий, которые очень хотелось опробовать. Но они действительно опасные. В перспективе.

А студентов было жаль. Хотя больше всё-таки диплома, которого в случае летального исхода Оллэйстар бы меня точно лишил. Зато этих не жаль совсем, и я всерьёз задумалась, как ответить на записки.

И, конечно, пропустила самый эпический момент вечера.

А дальше как в тумане – властная рука на талии, твёрдое мужское тело и настойчивые губы, которые шаргха с два спросили разрешения. Опять! И аромат... ни с чем не срав-

нимый – горьковатый с ноткой древесного убу́на.

Стыдно признаться после того, как сама смеялась над влюблёнными глазами Эль, но я уплыла. Обняла за шею, прижалась к груди, подхватила поцелуй, что с каждым мгновением становился всё резче, всё жарче.

«Главное не в том, у кого сильнее кулак», – раздался в голове насмешливый голос Салхи. – «А в том, у кого воля. Сможешь пересилить боль, страх, гнев и выиграешь любую битву».

«Любую», – эхом в голове.

Спасибо за науку, странный степняк. Я не забуду её так же, как твои уроки.

Вот только весовые категории у нас один шаргх разные. Поэтому, не отрываясь от поцелуя, передвинулась правее. Ослабила хватку на шее увлёкшегося гада. А потом нажала три точки, как показывал Салхи. И...

– Шаргха тебе в глотку, – выдохнула зло, глядя на осевшее тело.

Как? Ну как мне от него избавиться? И, что хуже, как избавиться от собственной реакции на этого боевика?

Со злости на саму себя пнула по безвольному сапогу. Идеально вычищенному, с дурацким грифоном сбоку.

Чтоб вас всех!

Глубоко вздохнула. И ещё раз.

Только не помогло, поэтому сходила до графина, налила воды, выпила залпом. Метнула злой взгляд на виновника, но

перекладывать на диван не стала.

Ведь где я, а где немалый вес великого князя, племянника его императорского величества, наследника империи Оришан и Аразла, шаргх его подери, Делаберга.

Глава 2

Два часа – столько потребовалось Ару, чтобы очнуться. За это время я переоделась в домашнее, перекусила, написала несколько посланий во дворец и вне его, проверила, как служанки разобрали вещи, дважды поменяла место монструозного грифона и сейчас сидела в кресле, закинув одну ногу на другую. Покачивала лёгкой туфлей и с интересом наблюдала за идиотом.

Ох, простите, я же теперь во дворце. За самым наглым и упёртым венценосным идиотом в этом рассаднике хамства и высокомерия.

– Фаркасова задница! – простонал тем временем венценосный.

Сел, с шипением подтянул одно колено. Потёр шею, размял её. Ещё раз выругался и, наконец, встретился со мной взглядом.

– Ари, – прорычал, сверкая голубыми глазами.

Половина дурочек дворца добавили бы: «как небо» или на худой конец «как подштанники его императорского величества». Почему половина? Потому что другая в постели его высочества уже побывала и знала, что больше не обломится.

– Ваше императорское высочество, – съязвила, кланяясь, насколько можно было, не вставая с кресла.

И вырез широкой рубашки закономерно сбился, цепляя

за собой полыхнувший взгляд Ара.

– Проваливай, пока цел, – добавила мрачно.

А после встала, поправила домашний костюм – рубашку и широкие лёгкие брюки с разрезами до колен, – подошла к нему и протянула руку.

Мы не враги, нет. Мы... бывшие? Спорное утверждение, раз этот баран никак не уgomонится. И раз я всё ещё реагирую на него как тогда, когда поцеловала впервые.

– Ты в моём дворце, – усмехнулся Ар и проигнорировал руку.

Рывком встал... и таким же рывком завалился на диван, благо тот стоял рядом. Я подозревала подобное, поэтому вовремя придержала венценосный затылок, чтобы не встретилась с деревянным подлокотником, и отошла на шаг. Полюбовалась, покачала головой.

Нет, надо всё-таки написать Салхи. Поблагодарить за науку и тренировки, а то вон какие боевики с ног валяются.

– Я во дворце его императорского величества Лориана III. По приглашению главного лекаря империи Алека Торнграва. Ты здесь вообще ни при каких делах.

– Уверена? – и столько насмешки в глазах, что пришлось усомниться.

И снова разозлиться на саму себя. Потому что Ар хоть и наглый, но свой, а, значит, в таком состоянии я его отсюда не выпущу.

Погубит меня когда-нибудь доброта. По-гу-бит.

– Сиди на месте, – скривилась.

А спустя минуту вернулась с бокалом и колбой, где бультыхалась моя собственная разработка.

– Что это? – поднял бровь Ар. – Если прикончишь наследника империи в своей спальне, Лориан выгонит тебя из дворца.

– С каких пор гостиная – это спальня?

Его болтовня не мешала отсчитывать капли, падающие в бокал. Какого только бреда я не наслушалась, пока работала в лечебнице! Так что привыкла ко всему.

– Можно же помечтать, – ухмыльнулся наследничек.

– Лекарь – лечит, если ты не знал. Смотри вверх.

Вот только моё зелье могло и убить, если превысить дозу или использовать наугад. Поэтому я щёлкнула пальцами и повесила над Аром магического светляка. Зрачки в норме. Или нет?

Шаргхов сын!

Недолго думая, коленом опёрлась о диван между его ног. Специально слишком близко, но Ар даже не охнул, хотя мог и порадовать. Разрез на штанах оголил ногу до колена. Но мне было не до этого – одну руку я запустила в тёмную шевелюру, потянула назад. Другой раздвинула веки, изучая зрачок. Точно нормальный.

– Язык покажи. – Никакого лишнего налёта. – А теперь успокойся и дыши.

Но и пульс оказался, может, чуть чаще обычного, однако

в порядке. В отличие от лап Делаберга, одну из которых я нашла на своём бедре, а вторую на талии. Под рубашкой.

– Заботишься, – насмешливо прищурился этот... тот, кто точно станет опытным образцом.

– Чтобы не выгнали из дворца, – прошипела в ответ.

Нажала на точки под скулами, заставляя его открыть рот, а после влила то, что было в бокале.

– Фаркаса тебе в...

Сдержался, недоговорил. Умница какая, хвалю.

Потому что проглотить неразбавленный состав, по большей части состоящий из ядовитого секрета болотной каирры, это надо уметь. Разбавленный то не каждый больной выпивал – выворачивало.

А Араэл смог, смотри-ка. Так и не замечу, как зауважаю его бесячее высочество.

– Что это? – прохрипел Ар.

Тряхнул головой, выпрямился, нашёл меня взглядом. Злым сверкающим взглядом.

Нашёл кого пугать боевыми фокусами.

– Личная разработка, – мило улыбнулась в ответ. Звякнула вторым бокалом. – Названия ещё нет, но в себя приводит мастерски. Не поверишь, как-то раз нам привезли нищего из Восточных трущоб, так у него обе ноги были чёрные, вспухшие и мокрые – настолько разошлось заражение. Шадалберг разрешил опробовать зелье и...

– Избавь от подробностей, – перекосило Ара.

– Как хочешь, – я с усмешкой пожала плечами, взяла колбу и понесла в кабинет.

Как же, это вам не огненными шариками кидаться. Лечебница – место, где обитали сильные духом. Кто бы ещё одной рукой возвращал на место вывалившиеся кишки, а другой всю эту красоту зашивал. А сколько их таких приносили и привозили после поножовщин в самых грязных улочках Унаша.

– Что оно делает? – прозвучал вопрос издалека, пока я возвращала зелье и охранки на место.

– Лечит, – фыркнула.

Какой вопрос, такой ответ.

– А конкретнее? – гораздо ближе.

– Если не уберёшься отсюда, опробую на тебе что-нибудь ещё. Так конкретнее? – развернулась, чтобы столкнуться с глубокими уже синими глазами Ара.

Тот стоял в проёме и подпирал плечом дверь.

– Я люблю тебя, ты в курсе? – словно между прочим обронил он, не меняя позы.

А у меня разом схватило сердце, причём ровно так, как рассказывал Шадалберг. Сначала резкая боль по центру грудины, потом жжение, нехватка воздуха, невозможность сделать глубокий вдох. Ещё спустя миг тошнота и онемение в левой половине тела, боль в голове.

У меня сердечный приступ? Если бы! Сердечный приступ заканчивался обмороком, а мой – желанием оторвать гаду

голову, а потом отчаянно рыдать над холодным трупом.

А всё потому, что между нами было всякое – ненависть, влюблённость, подобие отношений, борьба, пожары, но признался он впервые. И это... да ко всем фаркасам приличия! Это не просто подкупало, это требовало рухнуть в уверенные и уже столько лет манящие объятия первого наследника Оришанского престола.

– Выпьешь? – поднял бровь Ар и кивнул на шкаф с зельями.

И всё бы ничего, но что-то внутри верило любимчику дворца.

А другое что-то подкидывало картинки. С рыжей, с брюнеткой, с блондинкой – отличались разве что лица, разбег цвета волос в империи не такой уж большой. И фееричным финалом воспоминание – как раз то, после которого случился конец всем нашим отношениям.

– Зачем?

Да, равнодушие не получилось. Да, он это видел и оценил. Но и плевать! После того как я застала Араэла в постели с очередным развлечением, вся лирика не имела больше ко мне отношения. И запоздалые признания в том числе.

– Потому что ты тоже меня любишь.

Когда он подошёл и зажал между столом и собой я не дёрнулась. Вскинула подбородок, усмехнулась в губы.

– Ты должна понять и привыкнуть, – шёпотом. – Если хочешь быть со мной. С наследником величайшей империи в

Анершерате. Помнишь?

Ар скривился.

– И я помню. Тебя помню. С той третьекурсницей.

Пальцы сами потянулись к его лицу, сами прочертили по скуле и подбородку. И сорвались вниз. Как моё сердце в тот весенний вечер. Но был и плюс – тогда я зареклась иметь дело не только с близнецами, но с любым, кто имел хоть какое-то отношение к династии. Лучше бродяги и пьяницы, чем разодетые в шелка и безнаказанность лжецы.

Хотя насчёт безнаказанности перегнула, за проступки император не щадил даже семью.

– Ошибка, – Ар прикрыл глаза, подался ближе, потёрся щекой о мою щёку.

Глупое сердце сбилось с ритма. Всё-таки стоило раз и навсегда разобраться тогда, на последнем курсе академии. Не бежать, не язвить, не прятаться за стены столичной лечебницы и якобы срочного вызова на практику. Не тащить затянувшуюся, но всё равно болезненную рану через столько лет. Не делать вид, что ничего не было.

Тем более что мы оба срывались и за эти годы кое-что всё-таки было.

– Всё ошибка. Ари, я был шаргховым кретином. Не ценил, не понимал...

А сейчас резко поумнел? Поэтому его ладони снова хозяйничали под моей одеждой?

И пусть чуть-чуть, но мне всё ещё больно. И обидно. В

основном потому что он считал меня полной дурой.

Противно.

– Ваше императорское высочество. – Выскользнула из рук, низко поклонилась, опустила взгляд в пол. – Мой скромный титул не вынесет ни вашего интереса, ни наследия. Прошу простить и позволить глупой подданной жизнь вне вашего внимания.

– Ари, – с рычанием.

– Ариса Района Илиара Кевинбург, – кротко. – С вашего разрешения я хотела бы отдохнуть. Если больше не могу быть полезной вашему императорскому высочеству.

Наглость и острый язык – вот что зацепило наследника империи. Может, теперь скромность и послушание помогут избавиться от высочайшего внимания?

Но прошла бесконечная, напряжённая минута злой тишины.

Не знаю, что делал Ар, я так и сгибалась в поклоне. От которого, кстати, заныли ноги, намекая, что пора бы встать, пока не опозорилась. К счастью, очень вовремя раздался оглушительный хлопок одной двери, а следом приглушённый второй. И я со стоном осела на пол там, где фокусничала.

Рианы!

Любит? Серьёзно? Поэтому дворец скоро треснет от слухов о новых победах его высочества? Или это мирный Эл развлекается под именем брата?

Как же!

Вот только логика и доводы не помогали, сердце всё равно тянуло и маялось.

Но страдать из-за Делаберга? Пф. Эль бы покачала головой и убила взглядом. Вру. Любимая младшая сестра вздохнула бы и обняла. Без слов, упрёков и «я же говорила».

Но это даже хуже, поэтому я встряхнулась и выкинула из головы все мысли о наследниках, брюнетах и даже учёбе в академии. От греха. И решила, что лучшее сейчас это пойти спать.

Но дворец – дворец и есть, так что пришлось задержаться и обезопасить себя от незваных гостей. Причём не только через дверь, но и окна и балкон. Спасибо ректору Оллэйстару за учебные планы и науку! Те заклинания, что мы изучали... с ними я сама могла идти в дворцовые маги – подменять болванов, что задирали нос, но чуть что бежали в академию.

Хотя сами оттуда вышли, правда, ещё при старом ректоре. Хмыкнув, умылась, быстро приняла душ и со стоном удовольствия растянулась под тяжёлым одеялом. Чтобы уснуть с ощущением, что жить во дворце оказалось не так и плохо. А проснуться оттого, что меня подбросило на собственной кровати.

– Шаргха вам в глотку! – рывкнула, щелчком пальцев зажигая светляка. – Кому там ещё...

И онемела, когда среди белоснежных подушек и одеяла нашла того, кого не раз за вечер поминала всякими словами. Сам его императорское величество Лориан III мирно почи-

вал в моей постели, даже не думая просыпаться.

А белоснежное бельё медленно, но верно окрашивалось в тёмный алый.

Глава 3

Нужные навыки проснулись мгновенно.

Я стиснула зубы и запретила себе думать, что будет, если в моей спальне найдут мёртвого окровавленного императора. Шаргх! Да здесь и пять генералов империи не спасут.

Хотя кто-то отблагодарит точно.

Усмехнулась мысли, в то время как руки действовали сами по себе.

Сначала пациента надо раздеть.

Плотный, набрякший от крови сюртук сниматься не хотел. Поэтому я достала из-под подушки кинжал и, перекатив императора набок, разрежала баснословно дорогую ткань. Отбросила сначала разрезанный сюртук, а потом и рубашку.

Наученный взгляд отмечал детали. Но ни открытых ран, ни ожогов, ни следов проклятий на императоре не было. И это шаргхово невезение! Потому что у него может оказаться какая-нибудь наследственная болячка, о которой знал только Торнграф.

А я его с этой болячкой и угроблю.

Плотные брюки отправились вслед за рубашкой.

Я зло выдохнула, выругалась.

И меньше всего меня волновал цвет панталон его императорского величества, потому что здесь тоже не было открытых ран. А кровь была! Много крови, после которой мы с

одеялом стали похожи на фаркасову маковую поляну с ошмётками кровавых сгустков вместо пестиков-тычинок.

И отдельный вопрос, откуда эти сгустки взялись или... Могло ли быть, что тело императора пыталось само избавиться от чего-то вредоносного? Того же яда. Но рана в любом случае должна быть! Иначе откуда столько?

Чтоб вас всех!

Он же загнётся от банальной потери крови!

И я негордая, с удовольствием спихнула бы подышающее величество на Торнграва или Ара. Только существовала вероятность, что за время поисков хоть кого-то, спасти будет уже некого.

– Да какого, вообще, шаргха! – рыкнула.

И оттянула династическое веко.

А после впервые задумалась, что шло не так и не туда. Закатанный зрачок? Если бы! Вместо него у императора нашлось что-то тёмное и мутное, полностью затянувшее белок.

Всё-таки яд? Тот же, что отравил Алемдара? Тогда всё очень плохо.

В груди похолодело, ожидаемо замутило. А ведь я могу и не спасти его коронованное величество.

Но тут же отбросила эту мысль. Набрала побольше воздуха в лёгкие, медленно выдохнула.

Шадалберг утверждал, что у каждого лекаря своё кладбище и с этим надо просто смириться. Но со смирением у меня и после многолетней практики были проблемы. И никакого

кладбища.

Поэтому в следующее мгновение в рот императору по-
лилось универсальное противоядие. Горькое, противное, но
действенное. Если, конечно, у больного не случилось аллерги-
и на розалии, которых в составе больше половины.

На всякий случай повернула его величество набок. Чтобы
не захлебнулся содержимым своего же желудка. Но прохо-
дили секунды, а Лориан не подавал признаков жизни.

– Шаргха с два ты здесь умрёшь! – вызверилась не хуже
Араэла.

Я не рассчитывала на *такие* приключения в первые же
сутки во дворце.

Опрокинула императора обратно на спину, прижала ухо к
груди. Молчаливой, не отсчитывающей удары, груди. Пульс
тоже радовал – тишиной.

То есть работать мы не хотим?

– Ах так, – прошипела, с ненавистью глядя на безмятеж-
ное лицо.

И за несколько ударов сердца метнулась в кабинет и вер-
нулась.

Надо собраться и придумать название зелью, а то оно ста-
новится всё популярнее. Как-никак уже второй член дина-
стической семейки будет пробовать его на вкус. Притом что
тех членов там всего трое.

Не размениваясь на бокалы, влила несколько капель зелья
прямо в приоткрытый рот. Нажала на кадык.

И, о чудо, в груди под моей ладонью ощутилось движение. Один скромный удар, но он был!

А о том, что такая доза должна убить, задумалась уже после того, как влила в Лориана III половину колбы.

Сильная грудь поднялась, набирая воздуха в лёгкие. Казалось, вот-вот, ещё немного и... но с каждым мгновением сердце успокаивалось. Словно уставало от работы и этого мира в целом.

И как я его понимала! Здесь то наследники, то императоры, вот только...

– Размечтался! Работай давай.

Одно привычное движение – один пульсар. Пульсар, который я обхватила ладонями и с силой всадила в грудь императора, что надумал откинуться прямо в моей постели.

Я, между прочим, с Торнгравом ещё не познакомилась! И шаргха с два уеду, пока не поработаю с величайшим лекарем Анершерата.

Однако от неслабого пульсара тело императора выгнулось и опало.

А и фаркасы с ним.

С этим напутствием я напоила величество остатками зелья и друг за другом всадила в него ещё три пульсара.

Любой другой на его месте должен был сначала отравиться убойной дозой акрбгуса, а потом поджариться. Любой, но не его императорское величество, которое с каждым мгновением становилось здоровее.

Да что за наследие в этом проклятом семействе!

И Ар предлагал мне стать одной из них? Хотя снова вру, не предлагал.

В любом случае проще сразу в гроб – результативнее и мучений меньше.

– Давай же!

Зелья не осталось, я как-то не рассчитывала на бессознательных императоров. Зато пульсарами могла бросаться ещё половину часа точно. Поэтому дала величеству минуту передышки и снова всадила в грудь три пульсара.

Чаще всего самое простое лекарство – самое эффективное.

Так говорил Шадалберг, мой куратор в Унашской лечебнице. И уже на третью неделю практики я с ним согласилась. Потому что да, пульсары оставляли невыводимые ожоги на коже, но между остановкой сердца и шрамами больные всегда выбирали шрамы. А те, кто не выбирал, усыплялись и всё равно выбирали.

Может, и незаконно, зато действенно. Ведь призвание лекаря – лечить, а мы с куратором...

В следующее мгновение я оказалась на спине, прижатая к постели тяжёлым телом. Встретилась с мёртвыми, белыми глазами. Мимоходом отметила тёмные письма, что проступали на совершенно здоровом теле. Если его, вообще, можно так назвать.

Но долго рассматривать мне не дали. Сначала до меня до-

шло, почему не хватает воздуха, и я вцепилась в руку, что сжимала горло. Попыталась что-то просипеть, вдохнуть, но не в этот раз и не с этим... магом?

А потом думать стало невозможно. Потому что тот, кто ещё недавно был императором, с интересом склонил голову к плечу и принюхался. Чтобы в следующий миг обжечь горячим, разрывающим сердце от боли, поцелуем.

Глава 4

С жадным, хриплым вдохом я согнулась пополам. Лёгкие жгло с такой силой, что даже основы первой помощи, которые я могла оказать и в полумёртвом состоянии, вылетели из головы. Не получалось, никак не получалось сосредоточиться и вспомнить.

Кашель раздражал горло, но я держалась. Знала, что если позволю, загнусь в приступе вперемешку с рвотными позывами.

Да что за шаргхова дрянь со мной случилась?!

Воздух легко проходил в обе стороны, значит, в горле ничего не застряло. Тогда почему так больно? Везде. И что это за болезнь такая, если...

Спазм прошёл от желудка и выше. Но сдержалась, выдохнула со стоном. Дрожащими руками нащупала край кровати. Попыталась подтянуться. Стиснула зубы, когда лёгкие свернулись, а развернуться забыли.

Рианы, дайте только добраться до кабинета! Я... только доползти, хоть как-то. Выпить универсальное противоядие, которое на моих глазах ставило людей на ноги. Ненадолго и с последствиями, но об этом я подумаю – и решу, – позже.

И с трудом, но мне всё же удалось сесть, спустить ноги. Пот лился градом, тело дрожало, а я, похоже, привыкла к боли, что раздирала изнутри. Иначе почему она стала меньше?

Но в этом безумии осталось самое сложное – свалиться на пол и ползти. Хоть змеёй, хоть клопом, хоть младенцем – как угодно, только бы добраться до кабинета. Графини не ползают? Ну да. Фамильная гордость – это, конечно, хорошо, но не тогда, когда от неё зависит жизнь.

А я ещё даже с Торнгравом не познакомилась!

Сделав глубокий вдох, несмотря на боль, согнула колени.

Сейчас съеду на пол и...

И нет. Потому что вместо пустоты я упёрлась во что-то жёсткое, и оно не пожелало отходить. Больше того, даже в полудохлом состоянии оценила, как *это* обнаглело – голове вдруг стало больно, ведь меня схватили за волосы. Чтобы снизить накал страстей, откинула голову назад. Перед глазами плыли разноцветные пятна, разум самоустранился, не в силах терпеть боль. И в этот самый миг я захлебнулась пойлом, что в меня влили.

Закашлялась, половину проглотила, половину выплюнула, надеясь попасть в наглого хама, который...

Меня всё-таки вырвало. И ещё раз. И ещё несколько, до изнеможения. Пока желудок, сотрясаемый спазмами, не взмолил о пощаде.

И я бы тоже взмолила, но мозг вдруг вернулся на место. Не до конца, но этого хватило, чтобы вспомнить. Я кого-то спасала. В моей спальне кто-то был. И этот кто-то... тоже меня спас? По крайней мере, сейчас, лёжа на боку, чувствуя дрожь в мышцах и полное опустошение, мне казалось имен-

но так.

Прекрасно, просто прекрасно. С другой стороны – теперь материала столько, что хоть залейся. Осталось собрать в колбу то, что из меня вышло и определить, каким ядом или не ядом меня отравили. Нас отравили. И определить, как быстро яд распространяется, раз так легко зацепил даже меня, после работы в главной лечебнице, устойчивой ко всей заразе в Анершерате. Почти всей.

Очередной вдох принёс облегчение – боль окончательно схлынула. Мышцы подрагивали, как после тренировки с Салхи на полосе препятствий, а сознание пыталось утечь куда-нибудь в сторону подушки. Тем более, такой привлекательной, взбитой и пушистой, как эта.

И я, может, легла, если бы кровать не походила на место развлечений безумного расчленителя. И если бы не лужа чёрной, вязкой и переливающейся субстанции у моей кровати.

То есть из меня вышло вот это?

Я потянулась, чтобы ткнуть пальцем, но именно этот миг выбрала память, чтобы меня добить.

Рианы, император!

Вспомнилось всё и разом. Я дёрнулась, оглянулась, но на запачканной кровью кровати величества не лежало. Вскочила, наплевав на то, что в процессе пошатнулась... и уткнулась прямо в мужскую грудь.

Мужскую? Я подняла голову, и только хвалёное самооб-

ладание не дало осесть на кровать. Потому что это был не мужчина. То есть, наверное, мужчина, но... странное существо отошло на шаг, окинуло оценивающим взглядом. Казалось, оно удивлено не меньше – в основном тем, что я стою, а не лежу примерным трупом. И впервые осозналось, как чувствовали себя больные, когда мы с Шадалбергом осматривали их в лечебнице. Буквально препарировали взглядами, пытаюсь понять, что не так.

– Жива.

Поднятая бровь, усмешка.

И не может быть, но...

Страху не было, и я внимательнее вгляделась в черты. Они интересовали больше чёрных когтей, мертвенной кожи, какой-то хаотичной тьмы за спиной и призрачной короны. Хотя с короны и стоило начать.

– Ваше императорское величество?

Да ладно! Император не маг, это знают все. В его жилах течёт жестокость вперемешку со справедливостью, но точно не магия. Тогда что это и – я обернулась к кровати, – что там?

– Местами, – вдруг заинтересовался император. И усмехнулся: – Показать?

– Давайте! – тут же вскинуло голову любопытство.

И наглость. Потому что не императору пугать меня голыми телами.

И плевать на слабость и дрожащие конечности. Если он и правда даст себя пощупать и понять, что это, вообще, за

зверюшка, я перетерплю и не такое.

И император дал. Шагнул ко мне, а вслед за ним качнулось... качнулся... что-то вроде плаща из тьмы. Меня окутало предгрозовою свежестью, каким-то нездоровым азартом и... а вот это показалось.

Потому что чего, а странного, внезапного влечения к странной зверюшке, которую являл собой император, у меня не было. Не могло быть.

– Не боишься.

– А надо?

Голос Лориана III тоже изменился – стал ниже, грубее, а в спальне будто проснулось эхо, из-за которого все слова двоились, казались мрачнее, чем на самом деле.

Хотя какая мрачность! Подумать только, кожа его величества стала не только бледной, она покрылась странного вида рунами. Что-то знакомое, но... Конечно! Некоторые лекарские книги были написаны на древне-анершератском, истинном, почти забытом языке нашего мира. Он растворился вместе с рианами и некромантами, но кое-что осталось.

И пусть эти книги разваливались в руках, но мне, как умнице и отличнице дали возможность поизучать некоторые из них. А странная руна, похожая на фаркаса с крыльями, что плыла по телу императора от ключицы и ниже, кажется, встречалась в самом древнем из учебников. В том, который мне дали пощупать исключительно глазами, из рук такого же дряхлого и разваливающегося библиотекаря.

Шагнув ближе, взглядом проследила путь руны и чуть не схватила императора за грудки. Точнее – за металлический отворот сюртука странного кроя. Хотя какие странности, когда всё происходящее больше напоминало сон после того, как переберёшь Ктаранского самогона.

И нет, не по собственному опыту, исключительно по рассказам. Рас-ска-зам.

– Асса, – не столько угрожающе, сколько волнительно прошипел император – или кто он теперь? – и схватил за руки.

От прикосновения я охнула, чувствуя, как что-то наполнило меня... нет, не силой. Огнём. Страшным, диким огнём, что понёсся по венам, раздувая пламя.

И забылось обо всём: о том, что кто-то отравил императора, о том, что нужная руна где-то скрылась, о том, что всё это... всего величества неплохо бы зарисовать.

– Что ты делаешь? – вдруг выдохнул император.

И я могла поспорить с рианами, что в его голосе звучала растерянность.

– Ничего, – некрасиво прохрипела, но даже на это стало плевать, когда кончик длинного чёрного ногтя коснулся щеки.

А я... Я! Трезвомыслящая, думающая, способная сосредоточиться в любых условиях, я закрыла глаза, потому что по-другому вынести то удовольствие, которое окатило горячей волной от макушки и ниже оказалось невозможно.

– Кто ты?

И вдруг осозналось, что ничего прекраснее этого голоса я в своей жизни не слышала. А из сожалений осталось лишь, что мы с величеством всё ещё одеты в неудобные, мешающие коснуться тряпки.

Стойте. Что?

Я распахнула глаза, отшатнулась и ударила по императору пульсаром, на который ушли оставшиеся силы. И уже в который раз за сегодня с опозданием поняла, что вытворила.

Я. Атаковала. Императора.

И плевать кто он и в каком виде. Только за один этот пульсар мне грозила казнь без суда. И правильно, потому что напасть на двух венценосных заср... замечательных магов за вечер – явный перебор.

Вот уж, правда, фаркасова задница, Ар был прав.

– Простите, я...

Что? Не справилась с тягой к вашему величеству? Не захотела падать вам в постель? Почувствовала влечение к... полутрупы? Последнее особенно напрягало, и я отступила ещё на шаг под равнодушный взгляд императора. Если глаза без зрачков могут выражать равнодушие.

– Ты должна умереть, – выдал этот... это...

– Это приказ, надежда или сожаление?

Император не ответил. Император шевельнул рукой и из всех углов взметнулось тёмное пламя. Оно охватило комнату, кровать и меня. Не моргнувшую и глазом, потому что

это оказалось слишком неожиданно. И приятно, когда тьма укрыла словно в кокон, а после отступила, оставляя ощущение чистоты и свежести.

А потом я перевела взгляд на кровать. И в этот раз бросала уничтожающее заклинание в императора с полным осознанием того, что делаю. Потому что всё исчезло. Всё! Кровь, которую легче лёгкого проверить на яды. Содержимое моего желудка, которое тоже могло стать полезным. Да даже пыль с подоконника исчезла! Я не могла видеть, но точно знала, что это так.

И знала, что мой резерв полон, словно не было этих безумных вечера и ночи.

– Вы!

Профессор Блекхендберг утверждала, что одно из важнейших правил удачной атаки – быть быстрой и неожиданной. Вот и я, переполненная обидой и злостью по самую макушку, пользуясь внезапно полным резервом, скакала по комнате, перемещаясь и один за другим бросая пульсары в императора.

Зачем? А шаргх его знает. Я перестала себя контролировать в тот самый момент, когда опала ласковая тьма. Хотя до этого тоже так себе, но сейчас...

Очередной кувырок закончился быстрее, чем ожидалось. Потому что император перехватил, дёрнул на себя, впечатывая в собственную грудь, а потом... потом я зарычала, ударила его в плечо.

И первая потянулась к Лориану за жадным, глубоким поцелуем.

Глава 5

Утро пришло неожиданно. Вот я спала, а вот открыла глаза, чувствую себя отдохнувшей впервые за несколько лет. Ведь как бы я ни любила главную лечебницу Унаша, ночные смены не давали телу отдохнуть как следует.

Улыбка сама наползла на губы, а я от души потянулась. Взгляд метнулся к окну... а ленивую расслабленность сдуло так же, как меня с кровати.

Рианы! Сколько времени? Торнграв ждал меня к шести утра, а на дворе не меньше десяти, если не полдень. Кто там должен был меня будить?! И как теперь доказать, что я не разнеженная графская дочка, не способная встать с рассветом?

Не теряя времени на пустые сожаления, метнулась к шкафу, подняла взгляд в зеркало и резко развернулась. Что за?..

На второй подушке, которая по определению должна быть пустой, лежала шкатулка. Не веря глазам, подошла и набросила на неё выявляющее заклинание. Ни ответа, ни отката, значит, вещь безопасна. Но откуда она появилась в моей спальне? В защищённой сильными заклинаниями спальне!

Задумчиво прикусив губу, села на кровать и потянулась к шкатулке. Пальцы легли на бархат, который не каждая асса может позволить себе для платья. А чёрный вышитый грифон на крышке навевал самые плохие предчувствия.

Хотя куда там, гораздо худшие проснулись после того, как моим глазам предстала полупарюра из лирба – серьги, ожерелье и браслет из глубокого, тёмно-синего драгоценного камня. Да, не самого дорогого, но конкретно на этот комплект можно купить двухэтажный особнячок на хорошей торговой улице Унаша. И не то чтобы я не любила подарки...

Но какого, вообще, шаргха здесь происходило?

Я оставила шкатулку на кровати, встала, прошлась по комнате. И в тот миг, когда вновь столкнулась со своим отражением в зеркале, вспомнила. Всё вспомнила. Одна радость – в этот раз память проснулась быстрее, безжалостно напоминая, почему я так долго спала, хотя привыкла подниматься раньше всех в доме.

То есть, так? Величество всерьёз считал нормальным явлением откупиться вшивыми драгоценностями за ночь?

Усмехнулась, глядя, как искривляется уголок губ.

От меня. Драгоценностями.

Бешенство поднимало голову вместе с фамильной гордостью. Да будь он самым Авором, не имел никакого морального права...

Оборвала себя, тряхнула головой.

Да, я... что-то со мной вчера случилось после спасения его величества. В обычном состоянии мне и в голову не пришло бы лечь в постель к императору, если даже на знакомого и своего Ара не согласилась. Но раскаиваться и рыдать в любом случае поздно, потому что – прислушалась к утом-

лённому и довольному телу, — это было явно неплохо, хоть сам процесс начисто стёрся из памяти. Но красивые, пустые камни, которыми император привык расплачиваться за ночи со своими любовницами в это раз не сработают.

И самое время сообщить об этом венценосному грифону, такому же холодному и наглому, как птица на его гербе.

— Его императорское величество не принимает, — вскинулся секретарь.

— По личному делу от лекаря Торнграва, — холодно улыбнулась в ответ и прошелестела юбками к массивной деревянной двери в святая святых.

Секретарь промолчал не потому, что нечего сказать, просто я набросила на него сначала заклинание немоты, а потом спеленала стазисом.

Перед створками, на каждой из которых была искусно вырезана половина грифона с раскрытым крылом, пришлось остановиться, чтобы перевести дух. Не каждый день я вламывалась к императору и по *такому* поводу.

Рука, что держала шкатулку, предательски вспотела.

Отступить и забыть?

Сейчас же!

И под оглушающий стук собственного сердца я толкнула двери. Неожиданно лёгкие, с грохотом шархнувшие по стенам. Мда, не рассчитала. До этого светлого момента мне не приходилось бывать в кабинете его императорского величе-

ства – и это единственное служило мне оправданием.

Служило, но не под ледяным взглядом императора с дурной наследственностью и... удивлённым Оллэйстара.

Шаргх!

– Ваше императорское величество, – самое время порепетировать скромность и покладистость для Ара, – прошу прощения, но у меня срочное и личное дело... от лекаря Торнграва. Таер Оллэйстар, рада вас видеть.

А что, никто не запрещал сделать хорошую мину при плохой игре. Хотя эта была не просто плохой – убийственной, если я правильно понимала взгляд величества. Утихнувшее было бешенство взметнулось с новой силой.

– Где Август? – тон остался прежним, но в кабинете отчётливо похолодало.

Что, сила в величестве всё-таки есть? И, судя по всему, не такая уж контролируемая. Значит, ледышку этот... император строит из себя только на людях?

– Август? – похлопала глазами, а потом соотнесла. – Ах, ваш секретарь. Кажется, у него что-то с сердцем, – и добавила милую, безобидную улыбку, на которую не повёлся никто.

Насмешливо изучавший меня Оллэйстар – потому что наверняка помнил и меня, и мой диплом. Император – потому что точно знал – никакого личного дела от Торнграва у меня не может быть по определению.

– Асса Кевинбург... – начал подниматься император, а в воздухе ощутило запахло грозой. Как вчера.

– Ваше сиятельство, – тем временем поднялся Оллэйстар, поклонился и приложился к моей свободной руке. Веселье плескалось в глазах моего бывшего ректора. – Безмерно рад вас видеть, с каждым годом вы хорошеете и хорошеете.

– Благодарю вас, таер, – кивнула с улыбкой.

Мало того что он муж Леи, так и претензий лично к Оллэйстару я не имела ни во время, ни после академии.

– Как поживает лекарь Шадалберг? Надеюсь, здоровье его не подводит?

– Что вы? – негромко рассмеялась. – Он как и прежде носится по этажам лечебницы, раздаёт громкие указания и очень любит вмешиваться в работу штатных лекарей.

– А его эксперименты? – Оллэйстар склонил голову набок.

– Стали не такими частыми и разрушительными. – Рианы, как же приятно, что есть маг, с которым можно вспомнить старых друзей. – Увы, разыгравшийся ревматизм и...

– Я вам не мешаю? – голос от стола.

Нисколько, век бы так стояла.

Но вместо ненужной сейчас иронии, извиняюще улыбнулась Оллэйстару и повернулась к величеству. Холодно и отстранённо, под стать ледяным глазам.

– Простите, ваше императорское величество, – с откровенным сарказмом. И плевать, что Оллэйстар здесь и всё понимает. – В обществе приятных и дружелюбных магов так легко забыться.

И вскинула подбородок, вразрез всех правил приличия,

глядя прямо ему в глаза. Если уж завалился ко мне в спальню, пытался там сдохнуть, потом убить меня, а в итоге взял то, что ему не предназначалось, так пусть терпит.

– Приятных, значит, – протянул император с прищуром.

– Очень приятных, – чувствуя растущее бешенство.

Оно распирало грудь и мешало дышать, заставляло сделать хоть что-то – глупость, о которой пожалею. Но я давно не лиерра Хэвен, я – асса Ариса Кевинбург, дочь главного командующего войсками этой империи и дипломированный лекарь, которому в силах уложить даже таких именитых боевиков, как Оллэйстар.

Раздался хлопок – дверь за моей спиной, наконец, мягко закрылась.

– Ваше императорское величество, – встрял Оллэйстар, только веселье в тоне было совсем не в тему, – я зайду позже, когда вы...

– Сядь. – И такому послушалась бы даже я, но плюхаться пятой точкой на пол было не в моих привычках. – Асса Кевинбург сейчас выскажется и уйдёт. Раз уж вторглась к своему императору без позволения и записи.

Мечь? Он серьёзно думал, что я постесняюсь?

– Личное дело лекаря Торнграва, – издевательски напомнил Лориан, шаргх его подери, Оришанский. И откинулся на спинку кресла, поднимая бровь. – Я слушаю. Что пожелал передать Алек через особу, с которой ещё не знаком?

Вот... величество.

– Почему же не знаком, – растянула губы в милой улыбке, – мы познакомились. Ночью, – с намёком. – Это было самое неожиданное и болезненное знакомство в моей жизни. Не каждую ночь тебя будит упавшее на постель тело, – с прорывающимся рыком.

– Асса Кевинбург... – угрожающе начал император.

– И не каждое утро ос

– Почему же не знаком, – растянула губы в милой улыбке, – мы познакомились. Ночью, – с намёком. – Это было самое неожиданное и болезненное знакомство в моей жизни. Не каждую ночь тебя будит упавшее на постель тело, – с прорывающимся рыком.

– Асса Кевинбург... – угрожающе начал император.

– И не каждое утро оставляет подарки. – Шкатулка с громким стуком приземлилась на стол и уронила чернильницу, которая расплескалась на лежащие там же документы. – Вот только за что? За потраченное зелье? За девять пульсаров, вогнанных в сердце? Или...

Понимая, что ещё чуть-чуть и начну изрыгать пламя, я подалась вперёд, опёрлась ладонями о край стола и нависла над мрачным величием.

– Или за память? А, может, за девичью честь?

– Смотрю, вы успели познакомиться, – смешок от Оллэй-стара. – Лем, я найду позже. Когда вы с лиеррой...

Повернулась слишком резко. Так, что юбки хлестнули по ногам.

Я? Лиерра?

– Лиерра уже уходит. – Спорить с этими интриганами? Хотелось бы, но у меня пока всё в порядке с головой. – Будьте так добры, передайте его императорскому величеству, чтобы он дарил лирбы и прочие безделушки своим служанкам, они этого достойны.

Инстинкт взвыл, требуя развернуться, пасть на колени и извиниться перед величеством. Но я стиснула зубы, кивнула Оллэйстару и твёрдым шагом вышла из кабинета императора.

Меня ждали объяснения с Торнгравом.

Глава 6

Ещё долго после того, как сомкнулись двери, в кабинете царила мёртвая тишина. В прямом смысле мёртвая, учитывая, что друг, властитель, хозяин кабинета и по совместительству некромант сидел и сверлил стену напротив белёсыми глазами.

– Зачем ты переспал с девчонкой Кевинбург? Если её отец узнает...

– Я с ней не спал.

– А хотелось? – хмыкнул Ориан, но тут же примирительно поднял руки. – Ладно-ладно, асса Кевинбург что-то не так поняла. Не поняла ведь? – И после паузы: – Лем?

Но император молчал. Он уже лишился призрачной короны, когтей и полумёртвого облика, правда, проливать свет на прошедшую ночь не спешил.

– Хорошо, – вздохнул Ориан, – позови, как решишь поделиться. Тем более, мне всё равно полдня болтаться во дворце. Либберг, старый хрыч, развёл Лею на...

– Я умираю. – Должно быть выражение лица у него было специфическим, потому что Лем скривился. – Да брось, как будто ты не догадывался.

– Представь, нет. – Оба помолчали. – Тебе не приходило в голову, что о таком надо сообщать по-другому? И заранее.

Делать глупости Ориан не стал. Да и бесполезно, не перед

тем, кто с боем вырывал у рианов каждый прожитый, спокойный для империи день.

– Ты... – Ориан прикрыл на мгновение глаза, тряхнул головой. – С чего ты взял? И почему не сказал, когда... когда, кстати, всё началось?

– Может, тебе ещё поминальную службу устроить по империи? – усмехнулся Лем. В его ладони сгустилась тьма, принимая форму бокала. – Заранее. Чтобы лизоблюды слетелись на мою корону, как шаргхи на пшеничные поля по весне? Нет, – он дёрнул подбородком, – если не Араэл, и ты бы узнал по факту, а так...

– Что опять учудил *этот* Делаберг?

Новость оглушала. И чем больше Ориан думал, осознавал, тем хуже становилось. Он многое повидал, многих потерял, умер сам, но потерять Лема? Это убьёт не только Оришан, цепочка потянет за собой весь Анершерат.

– Его надо подготовить, Ориан. – Лем уставился в стену безразличным взглядом. – И справишься с этим только ты. Араэл уважает тебя и позволит поставить мозги на место.

Араэл на троне? Да проще сразу взойти на погребальный костёр, чтобы не мучиться.

– Ты переоцениваешь своего племянника, – хрипло. Пришлось откашляться, потому что жалость его императорское величество не примет. – Поручи это сестре, вместе с Элионом Рэнейт справится.

Сказал и осёкся под тяжёлым взглядом Лема.

– Рэни – мать, она скорее прийдёт наследничка, чем перевоспитает, характер не тот. А у тебя опыт и меры.

– Карательные? – хмыкнул Ориан, вспомнив, как впервые наказал близнецов вместе с Шалинбергом.

Они избили однокурсников в драке трое на двенадцать, и одним из них вдобавок выбили окно на третьем этаже. И с одной стороны, золотая троица доказала, что может не только именем хвастаться, но с другой... с другой – близнецы и Рик весь второй день в академии провели на полигоне. Стоя посреди дождя, грязи и ветра обнажёнными по пояс и на одной ноге. За последним следила лично декан боевиков, согласившись, что некоторых надо учить сразу и навсегда.

Конкретно этим трём учение не помогло.

– В том числе. Ориан, я никогда ни о чём не просил...

– Да, обычно ты приказываешь, – со смешком.

– А сейчас прошу. – Лем перевёл на него невозможно усталый взгляд. Ориан никогда не считал себя слабаком, но стало тошно. – Займись Араэлом, подготовь его к трону.

– Ты можешь ошибаться, – качнул головой в ответ. А после поднялся, прошёлся по кабинету, остановился за спинкой своего кресла, положив на неё ладони. – Ты не лекарь и не можешь знать...

– Серьёзно думаешь, что некромант пропустит собственную смерть? – поднял бровь Лориан. Рианы, он действительно забавлялся! – Брось, Ориан, мы слишком хорошо друг друга знаем. И бред, что крутится в твоей голове тоже брось.

Ты меня не спасёшь, не от собственной силы. И займись Аром, прямо сейчас займись, – с нажимом. – Иначе я подниму совершеннолетие для магов и назначу тебя регентом при Аре. Ещё лет на пятнадцать.

С этим близнецом год пойдёт за три, если не за пять. И Ориан понимал, что несмотря на улыбку императора, шутки в этом – капля. Лориан сделает, и не видать после этого ему Лею как свои... стоп.

– Твоя жизнь – моя жизнь, – вспомнились слова древней клятвы. – Если ты умрёшь, потянешь за собой всех, кого успел воскресить.

– Просто скажи, что не готов отрываться от своей девчонки, – поморщился Лем, – раньше чем через тридцать лет. Хотя, по твоим словам, я потяну за собой и её... расслабься, друг мой, – перебил возражения, – уж что, а освободить вас от клятвы я успею. За прошедшие пару десятков лет кое-чему научился, проблем не будет.

– А с чем будет?

Всё это напоминало драматические представления гастрوليрующего шапито. В голове не укладывалось, что Лем умрёт, но больше того – что сам верит в это и предпринимает шаги уже сейчас. Но его императорское величество не имел склонности к дурачеству, особенно над подданными. Ведь в первую очередь Ориан всегда оставался именно им, верным слугой своего императора.

– С Аром, со стихийниками, с тварями, что полезут на

трон, стоит проявить слабость. Возможно, с дурацким пророчеством, но это самое маловероятное. Поэтому попрошу ещё раз, – сощурился Лем. – Ты натаскаешь Араэла?

А есть выбор? Придётся подчиниться воле, пока Ориан будет искать возможности и варианты, чтобы предотвратить самый плохой исход.

И надо срочно найти Торнграва, только Алек может знать, что с императором. Он всегда знал то, что ему не полагалось.

– Согласен.

И в тот же миг Ориана охватила знакомая тьма. Мрачная, жуткая, что пробиралась в лёгкие и мешала дышать. Охватила и пропала, но в ответ на злой взгляд Лем лишь отсалютовал бокалом.

– Я должен быть уверен, что ты не передумаешь и не найдёшь лазейки для отказа. Теперь точно не найдёшь, условие включено в твою клятву.

Вполне в его духе – не верить на слово, кровью подкрепляя каждый чих. Ориан давно не злился, понимая, *что* стояло на кону. Но от ехидства не удержался.

– Ты в курсе, что такое дружба?

– Друзья для меня непозволительная роскошь.

Бокал из ладони императора растворился в тёмном мареве, словно не бывало.

– А асса Кевинбург? – поднял бровь Ориан.

Ариса подавала надежды уже в академии, они с деканом боевиков чуть не подрались из-за дочери Абеларда как толь-

ко увидели в первый раз. Но та отказалась от славы боевого мага, выбрав лекарское. Кто же знал, что спустя десять лет она устроит скандал в кабинете императора. И что Лем, который убивал и за меньшее, промолчит.

И, кстати, до сих пор молчал, не отвечая на вопрос. Что тоже наводило на интересные мысли.

– Асса Кевинбург? – усмехнулся Лориан и откинулся на спинку кресла. – Ассе будет веселее всех.

– Есть причина?

Чутьё Ориана взвыло, предчувствуя неприятности.

– Есть. Сегодня ночью я забрал её душу.

В груди кольнуло, вдох оборвался на середине. Я едва не споткнулась, но кого волновали такие мелочи, если изнутри разрывала убийственная, и в то же время бессильная ярость!

Да, я просчиталась! Не ожидала, что меня *так* накроет от невиданной зверюшки, в которую обращался император. Но это не повод ни для унижительных подарков, ни для пренебрежения.

А платье тем временем шуршало тремя юбками в такт шагам, нашёптывало, что пощёчина – меньшее из заслуженного величеством. Но, в отличие от куска ткани, у меня имелся мозг. Смущённый, он понимал, истерика – это ещё ничего, даже если при бывшем ректоре, который у императора в друзьях, но пощёчина...

Не заметив, чуть не сбила ассу Блекхендберг. Слава риа-

нам не ту, всего лишь сестру декана боевого факультета. Хотя наша профессор Блекхендберг и не дала бы себя сбить.

– Прошу прощения!

Повернулась, заученно улыбнулась... и помчалась дальше. Потому что двухчасовые извинения точно бы не осилила, начала плевать ядом. И для начала – в длинный шлейф платья, который престарелая фифа Блекхендберг распустила на всю ширину коридора.

Нет, в таком настроении, да с моими навыками можно и убить. Случайно. Или не случайно, но за это точно похвалил бы только Салхи, который сейчас находился на другом конце Анершерата.

Поэтому мне оставалось лететь по золотым коридорам дворца, мечтать о схватке с величеством, который вряд ли тренировался последние лет десять и жалеть, что не швырнула драгоценности ему в лицо.

Чтоб его фаркасы понадкусывали!

И рианы меня слышали. Не в том смысле, что явили обгрызенного тварями императора, а в том, что отомстили за посланного и назначенного ими правителя.

– Такая милая асса меня ещё не калечила, – сдавленно прохрипели над ухом, пока я выдыхала, со всей дури приложившись лбом.

Судя по раскладу – о чью-то грудь. Иначе незачем было придерживать меня в сильных, но вежливых руках. Последнее – достижение суток, где титулованные и венценосные

предпочитали брать не спрашивая.

– Простите, – в этот раз искренне. – Прошу прощения, асьер...

Я, наконец, отстранилась, отступила на шаг и подняла глаза на сбитого мужчину. Чем рианы не шутят, может, у него тоже травмы? А я лекарь, даже если последнее время больше калечу, чем лечу.

Но мужчина, который точно маг, не спешил представляться. Мимо сновали придворные, косясь на нашу живописную пару посреди коридора, с портретов взирали ассы и асьеры в роскошных нарядах, а мы так и молчали, развлекаясь поединком взглядов.

Мда, в лечебнице Унаша было не так весело. Потрясали разве что эпидемии или крайние степени заражения, за которыми следовала интересная практика ампутации.

– Не ожидал встретить вас здесь, – расплылся он в улыбке, – и в таком виде.

Показательный, оценивающий взгляд не смутил. Вообще, мало что смущало, ведь передо мной был он – Алек Торнgrav, талантливейший лекарь Анершерата!

– Асьер Торнgrav! – охнула, разом забыв про императора. И склонилась в глубоком, на этот раз искреннем поклоне.

Это вам не хамовитый Ар и наглый император! Этот маг действительно заслуживал уважения уже за то, сколько жизней спас и мучений облегчил.

– Лекарь Торнgrav. Я так понимаю, передо мной нахва-

ленная Верасом асса Кевинбург?

Я вскинулась, ответила хмурым взглядом. Потому что это был, вообще, не комплимент. Один только тон предлагал разворачиваться и возвращаться – в лучшем случае в лечебницу, в худшем – в родительский дом. Похожим отношением меня встретил Верас Шадалберг, куратор в Главной лечебнице Унаша, когда ему представили новую практиканку, не забыв упомянуть, чья я дочь.

Но тогда это хотя бы ожидалось, однако сейчас? Спустя пять лет работы и три листа рекомендаций куратора?

– Что же, полагаю, мы не сработаемся, – без особого сожаления сообщил этот... Торнграу.

Да что за день сегодня такой!

– Могу я узнать причину? Или это тоже выше вашего достоинства?

Голос звенел от обиды, перемешанной с яростью. Если и этот окажется отравленным дворцовой лестью, ложью и удовольствиями, сегодня же уйду сама. Соберу вещи, возьму коня и напоследок отравлю обоих наглецов, пусть Ар становится императором. А сама отправлюсь в Свободные земли, к Эль и Салхи. Буду лечить степняков, их зверьё, да хоть домашний скот, а эти недобитые фаркасы пусть остаются, как знают.

– Мне нужна помощница, которая может проснуться на заре, – вежливо ответил Торнграу, кивнул проходящему мимо асьеру. – И которая не подведёт, даже если всю ночь...

оказывала помощь империи. Поймите, – он склонил голову к плечу, ехидство пропало из глаз, – я не сомневаюсь в ваших знаниях и умениях, *всех* умениях, но должен быть уверен как в себе. Мне не нужен абы кто в учениках. Справедливости ради, они мне вообще не нужны, но иногда хочется дать шанс тем, кто достоин. По рекомендациям Вераса вы были достойны, но по поступкам... – и Торнграв покачал головой.

Разочарованно покачал! В то время как я захлебнулась горечью, обидой и злостью. Настолько, что слова застряли в гортани, отказываясь объяснять или хотя бы язвить.

Лориан не только унизил пошлым подарком за ночь, на которую я решилась сама. Он лишил меня призвания, цели, к которой я стремилась с поступления в академию! И за одно это его стоило убить, но...

– Что же, вы вольны в своём выборе, – ответила безразлично. – И в убеждениях, даже если переданные вам сведения ошибочны.

Не знаю, как выговорила. Ведь я так надеялась на этот год у Торнграва! Так радовалась, буквально летела во дворец, который до этого вызывал только усмешку и жалость. И что получила? Гадского Араэла, презрительного Лориана и разочарованного во мне Торнграва. И пережить последнее труднее всего.

Я взглянула на главного лекаря империи и на какой-то миг показалось, что он усомнился в своём решении, но...

очередной бездушный поклон, вежливая улыбка и отчаяние. Моё отчаяние, которое я скрыла, на мгновение прикрыв глаза.

Что же, придётся ехать в степь. Хотя перед этим можно остановиться в Миерии, попробовать разыскать брата, который якобы пропал. Но пропал он по словам отца, обиженного на Тиррена, хотя мне передавали весточку от брата. Давно, но кто ищет, тот всегда найдёт – приключения на все свои выдающиеся таланты.

Тем более, в степи можно подождать, пока Торнграу, который в несколько раз меня старше, покинет пост главного лекаря империи. Естественным путём. И попробовать попасть в ученицы снова, если следующий лекарь будет таким же талантливым.

– Был рад познакомиться с вами, асса Кевинбург, – учтиво поклонился Торнграу. – Надеюсь, что вы...

Но на что надеялся лекарь императора, не догадывающийся о моих планах, я так и не узнала. Издалека окликнул голос, которому я за шесть лет учёбы привыкла подчиняться.

– Асса Кевинбург! – Пусть я уже не лиерра, но Оллэйстар продолжал властвовать над своими студентами даже после выпуска. – Вы забыли.

Если они с императором таким хитрым способом решили вернуть мне драгоценности, то плюну на свидетелей и всё-таки швырну футляр в лицо. Хотя бы Оллэйстару, который променял всю свою справедливость и правильность на друж-

бу с наглым величеством.

Мимоходом кивнув Торнграву, Оллэйстар остановился напротив и протянул мне... нет, не памятные безделушки. Всего лишь скрученное послание с восковой печатью императора.

– Его императорское величество благодарит вас за оказанную помощь, – серьёзно поклонился мой бывший ректор, в котором до этого мига я не подозревала актёрских талантов. – И в соответствии с вашими пожеланиями высочайшей милостью дарит пожизненный и беспрепятственный доступ в Главную Имперскую библиотеку, а также право использовать лаборатории его императорского величества по собственному усмотрению в любое время дня и ночи.

Вот это номер! Плохо понимая, что происходит, я приняла положенное ситуации выражение лица. Взяла протянутый свиток.

– Передайте его императорскому величеству мою глубокую благодарность за дар и возможность оказать услугу родной империи.

Да чтоб он подавился! Но после того как я покину дворец, раз уж на рекомендациях Торнграва – которые он обязан написать, даже если я его не устроила, – должна быть личная печать императора. Араэл-то мне такую не поставит, пока не уложит в постель.

– Асса Кевинбург, – раздалось вдруг из-за спины.

Поворачивалась, чувствуя неприятное напряжение внут-

ри, а наткнулась на очередной оценивающий взгляд.

– Лекарям далеко до рианов, поэтому мы должны признавать свои ошибки, какими бы они ни были. Возможно, я ошибся в вас, возможно, в своих решениях, но не смогу узнать это, пока не проверю.

Что?

– Жду вас сегодня в восемь вечера, за вами придут, – еле заметно кивнул мне Торнгрев, развернулся и пошёл, на втором шаге начиная разговор с кем-то титулованным.

А я... кажется, собралась в обморок. Или напрямиком к рианам. Или извиняться за кровожадные планы в отношении Ара, величества и Торнгрева. Но сначала неплохо было бы поблагодарить Оллэйстара.

И как только он уговорил величество дать мне доступ к библиотеке и лабораториям?

– Надеюсь, теперь вы довольны? – уголком губ улыбнулся Оллэйстар опережая. – Тогда прошу вернуть мне свиток.

Глава 7

И светлые порывы разбились о суровую скалу реальности.

– Свиток? Ах да, – я вернула Оллэйстару послание с печатью императора. – Но как вы... почему...

Вопрос не формулировался, потому что изначально был глупым. Что бы ни сподвигло его помочь – я была благодарна. За то, что одной репутацией Оллэйстар обелил меня перед Торнгравом, который, как и я, оказался нетерпимым к безделью и фаворитизму. И, с одной стороны, хорошо, но с другой – кто же знал, что это обернётся против меня.

– Его императорское величество бывает слишком резким. – Оллэйстар указал направление, и мы пошли бок о бок. – Мне казалось правильным это исправить, ведь все знают некоторые его пристрастия, что легко истолковать неверным образом.

Рианы, мне что, тоже изъясняться великим слогом?

– То есть Торнграву сообщили, что его величество провёл со мной ночь и это не понравилось. Поэтому вы решили помочь, – перевела на человеческий язык. – Зная, что это правда, – добила с усмешкой.

– Правда относительна, – с улыбкой поднял бровь Оллэйстар. – По правде это, – он указал на свиток, – действительно разрешение на посещение библиотеки и лабораторий. Подписанное и запечатанное его императорским величеством.

– Но не для меня?

И от предположения, кому предназначалось разрешение, вмиг стало тепло и уютно где-то в районе солнечного сплетения.

– Нет, не для вас, – мягко подтвердил Оллэйстар.

А это могло значить только одно.

– Когда Лея будет здесь? Мы увидимся?

– Зависит только от Леи, – хмыкнул Оллэйстар. – И оттого, быстро ли она освободится от столичной библиотеки. Что вряд ли, учитывая, как местные библиотекари счастливы от внимания к своим разваливающимся фондам.

– Лея не меняется, – рассмеялась.

– К счастью, нет, – весело заметил Оллэйстар.

И одним этим показал, насколько тёплыми могут быть настоящая любовь и искренние отношения.

– Мы пришли. – Как оказалось, да. И неожиданно – к моим комнатам. – Пригласите на чашку тэври?

Чашку теври? Я застыла, взявшись за ручку двери.

Нет, то, что Оллэйстар пьёт горький, бодрящий, так себе влияющий на сердце и печень, напиток из Миерии не удивляло. А вот что настойчиво напрашивается ко мне...

– Конечно, буду рада угостить вас.

И совсем не рада расспросам, которые последуют. Но магу, что спас меня от звания императорской подстилки перед Торнгравом, я готова позволить ещё не это.

Знаком предложив ему устраиваться на диване, вызвала

служанку. Надеюсь, хотя бы одна из двух на месте и готова работать, а не строить глазки.

– Таер Оллэйстар...

– Просто Ориан. – Оллэйстар закинул ногу на ногу и улыбнулся. – В конце концов, мы давно не ректор и лиерра, вдобавок вы дружите с Леей, да и пересекаться на просторах дворца нам придётся часто.

Шаргх! Всё ещё хуже, чем представлялось.

– Ты. Ты дружишь с Леей. – Делать хорошую мину при плохой игре становится моей привычкой.

И пусть всем известно, светские допросы у Оллэйстара ничем не лучше тех, что проводят Ищейки в темницах, но я надеялась на снисхождение если не его, то рианов. И на то, что простые с виду вопросы не вывернут мою жизнь наизнанку.

Дверь хлопнула в удачный момент – пауза затянулась не настолько, чтобы считать её неудобной.

– Ваше сиятельство.

Оглянулась, убедилась, что выглядит эта девица всё ещё так себе, но хотя бы ведёт себя прилично.

– Накрой нам в гостиной, таер Оллэйстар предпочитает теври, мне тёплое молоко с травами.

– Сию секунду, ваше сиятельство, – низко склонилась та, что изначально была поумнее, и исчезла за дверью.

А я титаническим усилием воли подавила вздох.

– Таер... Ориан, вы позвольте... позволишь отлучиться...

Шаргховы интриги!

Я всё-таки вздохнула и подняла взгляд на явно забавляющегося Ориана.

– Ты не против, если я переоденусь? Достали эти юбки.

– Подозреваю, это ещё одна причина, из-за которой ты устроила скандал у Лема, – хмыкнул он.

Лема? Рианы, я не хочу в это влезать. Но, похоже, кто-то не оставил мне выбора.

И вместо всего, что хотелось сказать, я улыбнулась. Мило и ни разу не похоже на оскал. Наверное.

И да, сбежала. Мне требовалось время на подготовку – придумать, что отвечать хотя бы на первые пять его вопросов. И, чего скрывать, чтобы переодеться. Потому что хороши только бальные платья – они легче, с одной юбкой, не давят, не натирают и выглядят в разы лучше. В отличие от этого убожества из дорогой и тяжёлой ткани с рукавами, закрытой шеей и диким количеством подъюбников.

Всегда интересовало, их столько, чтобы сохранить девичью честь? Потому что любой, кто полезет девице под юбку, просто заблудится в количестве ткани.

Но пора было возвращаться и, последний раз взглянув на себя в зеркало, я вышла в гостиную. Где та служанка, что повыше – надо бы уже узнать их имена, – предлагала Оллэй-стару... Ориану всю глубину своего декольте.

– Надеюсь, я не заставила тебя скучать.

Тебя! Оллэйстару! Рианы, за что мне всё это веселье?

– Госпожа Олиена скрасила мой досуг, – хмыкнул Ориан.

А эта дуручка, счастливая оттого что целый Оллэйстар повёлся на её прелести, соблазнительно прошествовала к выходу. Задом. Склонившись так, что даже я оценила вырез и то, что почти вывалилось из платья. Я, но не Ориан, с которого мгновенно слетела маска бывалого бабника, стоило Олиене – теперь я знаю, как её зовут, – выйти за дверь.

– Прекрасно выглядишь, – кивнул он и взял чашку тончайшего миерского алата. – Советую идти к Торнграву в чём-то подобном, старик оценит.

– Старик?

Если неприятности не избежать, стоит попытаться получить от неё удовольствие. Поэтому я устроилась в кресле напротив Ориана и постаралась максимально отгородиться от грядущего.

– Разве нет? Алеку сто пятьдесят восемь, даже если выглядит он как я. Ты не знала, у кого собираешься учиться?

– Знала, но до этого как-то не соотносила.

Высокий бокал скользнул в руку без участия мозга. Тёплое молоко с пряным травяным привкусом согрело изнутри. Пусть оно сластило, чего я не люблю, но успокаивало нервы и желудок. Последнему придётся особенно туго, если Торнграв окажется любителем дворцовых ужинов, ведь мне придётся его сопровождать. В то время как перемену из пятнадцати блюд выдерживал не каждый.

А молоко получалось профилактикой, которая, как из-

вестно, уже половина лечения.

– Я всё ещё не поблагодарила, – без улыбки подняла глаза, – за ту ложь перед Торнгравом. Это очень много для меня значит, больше, чем можно представить. Спасибо... тебе. Если бы не ты, собирать мне вещи и отправляться на все четыре стороны.

Ориан легко пожал плечами.

– В своих планах Лориан думает о масштабном, нередко забывая о том, что мимоходом ломает чужие судьбы. Это его право и его обязанность, ведь хорошему человеку трудно быть императором. Я же по мере сил смягчаю удар. – Ориан нашёл взглядом монструозного грифона. – Когда считаю это необходимым.

– И всё равно спасибо, – очередной глоток обжёг горло, но так даже лучше, отвлекает от разговора. – Я не забуду и обещаю ответить услугой за услугу.

Зря сказала. Как только увидела выражение его лица – сразу поняла, что зря. И Ориан подтвердил, отставляя чашку и впиваясь в меня цепким взглядом.

– И я попрошу об услуге прямо сейчас. – Незаметное движение ладони, и нас окутывает полупрозрачная, мерцающая сфера. – Лориан умирает, и я хочу, чтобы ты его вылечила.

– Я – что? – продолжая улыбаться.

Потому что такое предложение от рассудительного, всегда рационального Оллэйстара – это за гранью. Адекватности точно.

– Его императорское величество умирает. Или считает, что умирает, – поморщился Оллэйстар. – Следующим в списке престолонаследия указан его императорское высочество Аразл. Ты уверена, что хочешь видеть его на троне?

Отвратный вопрос что по смыслу, что по формулировке. Как я могу хотеть или не хотеть видеть кого-то императором? Пусть даже меня звали “сиятельством”, кланялись и набивались в друзья, но по факту я не решала ничего.

– Я не стану отвечать, – выпрямила спину, вскинула подбородок. – Мне казалось, вы умнее, таер Оллэйстар.

– Взаимное чувство, – с насмешкой. – Ариса, ты неглупая девушка и понимаешь многое из того, что не должна. Скажи мне, чем обернётся смерть Лориана сейчас? Когда мы в шаге от междоусобной войны.

– Допустим, но при чём здесь я? – Бокал аккуратно вернулся на стол, от греха. – Лекарь Торнграв справится куда лучше, он знаком с наследственностью императорской семьи, ему известна симптоматика и лечение самых опасных болезней Анершерата. У него, в конце концов, опыт! А я не хочу начинать своё кладбище с имени его императорского величества.

Как бы он мне ни нагадил до этого.

– Алек – несомненно, признанный талант, опытный лекарь, умнейший маг и любит его величество, так что не станет вредить специально. Но, Ариса, – Ориан подался вперёд, – Алек стар, он слишком долго живёт во дворце и... под-

вержен столичным страстям. И он не пойдёт против воли Ле-
ма.

– А я? – И стоило спрашивать, если ответ понятен по его
лицу. – Ты всерьёз считаешь, что если я начала свой первый
день во дворце со скандала, то хочу закончить лечением им-
ператора? И это если он согласится, – добавила нервно. – По-
тому что в противном случае мне прямая дорога в Гвйнбор,
а это намного хуже, чем в степь к Салхи. Да и для лечения
нужен доступ к телу...

– А у тебя его нет? – поднял бровь Ориан.

Постановка вопроса бросила в краску даже меня. Мда, в
должности ректора и на «вы» он вёл себя скромнее. Но, к
своей чести, я сдержалась и не бросила пульсар в наглую
усмешку. Родители бы гордились.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, – расплылась в холод-
ной улыбке.

Величество настолько тронулся, что поведал подробности
ночи приятелю? Вряд ли, но чем рианы не шутят, могли и
обсудить в дружеской беседе. Тем более, после моей – те-
перь точно лишней, – выходки. Но тогда вдвойне странно,
что Оллэйстар, не одобряющий даже студенческие романы,
защитил меня, в первую же ночь во дворце прыгнувшую в
постель императора.

– Досадно, – вздохнул Ориан и вдруг поднялся, – но тер-
пимо. Конечно, я рассчитывал на другой результат, но за-
ставлять тебя не имею право. Ваше сиятельство, – шутливо

поклонился он и твёрдым шагом направился к двери.

А мне стало душно в клетке, что звалась императорским дворцом. Поэтому поднялась следом, чувствуя, как качнуло. Пересидела в кресле? Перенервничала?

– А его... он правда умирает?

– Не в его привычках приbedняться, – остановился в шаге от двери Ориан. Нахмурился. – Ты белая. Всё в порядке?

– Да, просто голова... неважно.

Важно! Потому что это слишком походило на очередное отравление. Но дважды за сутки? Явный перебор.

– Я бы хотела помочь, но...

Гостиная вдруг окрасилась в алый. Шаргхов дворец!

Вмиг забыв про Оллэйстара, поднесла руку к глазам, провела тыльной стороной ладони. И даже в красном мареве заметила на руке кровь, благо мозг, в отличие от прошлого раза, не стремился покинуть бедовое тело.

Да чтоб вас всех фаркасы сожрали!

Потому что это был яд, самый дешёвый из арсенала отравителей. Его продавали везде, вплоть до храмов рианов. Его покупали бочками, в надежде отравить отца, мужа, свекровь или закадычную подружку. И всё равно получалось через раз из-за некачественных ингредиентов и простейшей нейтрализации антидотом.

Только мой организм ещё после ночи не отошёл, и «Алая смерть» – не только я любила поэтические названия, – сработал вдвое быстрее и раз в пять мощнее обычного своего

действия.

Более гадских суток в своей жизни я не припомню.

К счастью, рядом оказался Ориан, который многое знал и ещё больше умел. Подхватив меня в каком-то локте от пола, он уложил меня на диван.

– Алая смерть? – приятно, когда с тобой советуется признанный мэтр в шаргах знает сколько наук.

Поэтому я попыталась улыбнуться и кивнуть, а Ориан исчез из поля зрения. Подозреваю, пошёл ломать защиту на полке с зельями. Да и ладно, поставлю новую. Если доживу до вечера.

Ведь яд отличался не только кровью из глаз, но и постепенным онемением всего тела. Вплоть до лёгких и сердца, после чего жить отравленному оставалось считанные минуты. Вот и мне осталось, потому что, попавший в кровь, яд быстро распространился по телу, у которого не осталось сил на бой с ещё одной заразой.

В мгновения онемели ноги, потом корпус, а следом и шея. Я хотела позвать Ориана, но губы не шевелились. Попила молочка с травами, полечила желудок. Молодец какая! Куратор обрыдается от горя, кому выдал такие хорошие рекомендации. Дурочке, которая отвратную сладость тавианы перепутала с лишним куском сахара в молоке.

Зато впервые мелькнула мысль, а почему онемение распространялось снизу вверх, если яд попал через рот? Нелогично. Должно быть сверху вниз или хотя бы по мере распро-

странения яда в венах – начиная с одной стороны и постепенно захватывая всё тело. Кстати, отличная тема для очередной практической работы!

Но додумать, что там за сложности с ядом, мне не дали. Ориан попытался влить антидот, но тот лишь расплескался по дивану. Наверное, потому, что лица я практически не чувствовала. Зато ритмично бьющееся сердце, что противилось яду – очень даже.

Но что такое какой-то блошиный яд против целого ректора целой академии.

Недолго думая, Ориан заклинанием раздвинул онемевшие губы, собрался влить зелье, но что-то его отвлекло. Буквально на миг, но и его хватило, чтобы сознание решило, что с него хватит. И утекло в вязкую, липкую темноту.

Глава 8

– Ари, – нараспев. – Ариса, открывай глазки.

Рефлекс проснулся पहले мозга. Я даже не поняла, как отшатнулась и вскочила, лишь бы оказаться подальше от манящего древесного аромата.

– Кажется, вы ошиблись в трактовке чувств девушки, – хмыкнул Ориан и добавил издевательски: – ваше императорское высочество.

Не показалось, моя голова действительно лежала на коленях Делаберга. Увы, не Элиона, хотя тот тоже должен бродить где-то во дворце. И вот что, умный Эл не может занять чем-то полезным раздолбая-брatца?

– Кажется здесь вам, – опасно прищурился Ар, вставая, – что можно целовать чужую невесту при наличии законной жены.

Целовать? Мозг, который отметил и изрядную помятость наследничка и его же дурное, на грани ненависти настроение, знатно взбодрился. Так вот почему отвлёкся Оллэйстар – на Араэла.

– Вы что, дрались?

Да ну! Драться с Оллэйстаром? Ар же не настолько дурак.

– Боюсь, я всё же подниму вопрос о правомерности вашего диплома. – Оба проигнорировали вопрос. – Уверен, его императорское величество согласится, что отличить по-

целуй от оказания первой помощи при отравлении сможет даже первокурсник.

– Боюсь, мне тоже придётся поднять вопрос о соответствии вами занимаемой должности. – несмотря на проигрышную позицию, выглядел Ар внушительно. – Помнится, вы женились на собственной лиерре, даже приносили клятвы в храме рианов. А теперь помогаете другой лиерре, пусть бывшей, таким своеобразным способом.

Шаргх с ней, с дракой, хотя здесь, скорее, имело место избиение младенца. И ответственно заявляю, что с сегодняшнего дня у меня аллергия на подобные пошлые намёки. В любом исполнении.

И ничего удивительного, что Ар растерял всю свою напыщенность, едва отбив заклинание, придуманное Леей специально для него.

– Ты! – Как же сложно изображать покорность, когда он выкидывает такое! – Наглый, себялюбивый, бесполезный кусок...

Договорить не получилось, что, в общем-то, благо. Потому что Ориан на правах ректора, старшего мага и, в общем-то, самого умного в комнате одним щелчком развёл нас по разным углам, добавив к стазису заклинание немоты.

– Уважаемые бывшие льер и лиерра, – он скрестил руки на груди, по очереди глядя на нас. Так, что стало стыдно даже спустя пять лет после диплома. – Меня несказанно радует, что вы стали умными, взрослыми и думающими магами.

Я прикусила губу.

– Уверен, что в этом заслуга не только моя, но декана Блекхендберг и всей академии.

При упоминании Блекхендберг мы с Аром одновременно опустили глаза в пол.

– А также профессора Ипраберг, которая учила вас этике и правилам поведения, в том числе во дворце его императорского величества. Я прав?

Вместо ответа кивнула, стыдясь, что вела себя как первокурсница, а должна как сиятельство и асса. И в тот же миг почувствовала, как спали оба заклинание. С меня, не с Ара, в чём убедилась, отыскав наследничка взглядом.

– Ариса, его императорское высочество Араэл действительно предложил тебе руку и сердце, как утверждает?

Ах да, я же Ару ещё за «невесту» не отомстила. Ну ничего, будет праздник и в моей палате. В этот раз я поведу себя как надо – приложу так, что плохо станет всем виновным. И так, что никто не узнает, откуда пришёл удар. Потом. Когда Ар отойдёт от сегодняшнего унижения. Как же! Какой-то маг без титула посмел указывать ему, целому наследнику трона. Хотя Оллэйстар столько раз наказывал весёлую троицу из Шалинберга и Делабергов, что те должны бы привыкнуть.

Но сейчас я подавила злорадную усмешку и удивлённо распахнула глаза.

– Как могла недостойная асса принять такое предложение от его императорского высочества! Нет, я бы никогда... да

и папенька...

С «папенькой» перегнула, это ещё пошло бы Эль, но никак не мне.

– Отец не посмел бы одобрить такой союз без согласия его императорского величества!

Ар злился, в глазах Ориана плескался смех.

– Что же, тогда я вынужден попросить его императорское высочество удалиться. Как ваш ректор, хоть и бывший, я обязан блюсти безопасность и неприкосновенность своих студентов, вне зависимости от того, закончили они академию или нет.

С последним словом освобождённый от пут заклинания Араэл едва заметно качнулся, приходя в равновесие. Обычно синие глаза посветлели и сверкали так, что смотреть было больно даже через всю гостиную. Но к гордости Ара он не стал совать нам под нос своё происхождение, дядю-императора и даже бросаться заклинаниями.

Сдержался, выпрямился, полыхнул яростными огнями в голубых глазах.

Рианы, ну почему он в академии вёл себя как отмороженный шаргх? Потому что влюбиться в смазливую внешность – прекрасно. Узнать, что за ней есть и ум – совсем замечательно. Но поганный характер и эгоизм развели нас по разные стороны адекватности. Тогда.

Зато сейчас Араэл пытался – и у него получалось, – сдерживать гордыню и психованные порывы. Прямо цвет и на-

дежда империи. Ну, почти.

– До встречи, асса, – прошипел Ар и был таков.

Я собиралась быть покорной и смирной в его присутствии? Ну-ну. Но ругать себя не стала, не тот момент. Вместо этого прошла половину гостиной и без сил рухнула в кресло.

Рианы, а ведь вечером ещё к Торнграву.

– Давать третий шанс не в правилах Алека. – Оллэйстар, который Ориан, правильно истолковал тяжёлый вздох. – Этого опоздания он точно не простит.

– Давать третий шанс в правилах дураков и лжецов. – Я откинула голову на спинку и прикрыла глаза. – Надеюсь, что лекарь Торнграв не из таких.

– Торнграв – миерец, причём миерец с низов. Он ласков, велеречив и спокоен на людях, но может быть и опасен, и жесток. Особенно когда идёт по следу амбрандте или подчиняется тому, чего не хочет.

– Амб... чему? – приоткрыла один глаз.

– Амбрандте – это непере译имое миерское слово, ближайшее значение, – Ориан задумался, – что-то вроде кровной мести.

– Рианы, – со смешком, – надеюсь, он не посчитает меня кровным врагом за то, что Шадалберг заставил принять в ученицы.

– Алек не взялся бы учить тебя, если не захотел. – Ориан шевельнул пальцами, и меня окутало теплом проявляющего заклинания. И добавил без перехода: – Что произошло этой

ночью?

И опустошённый, расслабленный теплом и безопасностью мозг, выдал быстрее, чем я среагировала:

– Сегодня величество умер. И, похоже, убил меня.

Стоит ли удивляться, что Ориан от таких откровений даже не дёрнулся.

– Что, с ним такое часто? – усмехнулась.

А потом с усилием выпрямилась и разлепила глаза.

Нет, с этим надо что-то делать. Либо без продыха пить теври ближайшие пару часов и остаться без нормального сна на неделю. Либо идти за Драбергом – некоторые лекари настолько бездарны, что дают зельям собственные фамилии, – и следующие два дня не вставать с постели из-за отката после тонизирующего.

– Случается. – И вроде Ориан поддержал шутку, но по факту говорил абсолютно серьёзно. – Расскажи. Клянусь силой и жизнью, твои слова не выйдут за пределы этой комнаты и, – вокруг снова замерцало заклинание, – этой сферы.

Полыхнуло. Ориан бесстрастно задрал манжеты, под которыми затухала вязь неразрывного обещания – сама магия подтвердила его слова. Нарушит – и останется сначала без силы, а потом и без жизни. А Лея без мужа.

От последней мысли поморщилась. Рианы, вот стоило сюда соваться? Неужели на просторах Анершерата не нашлось других талантливых лекарей, кроме Торнграва? Но нет, мне же упёрлось! А если меня что-то цепляло, то проще сразу на

погребальный костёр, чем пытаться переубедить. Родители и не пытались, а мама даже радовалась. Рассчитывала, что в этом гадюшнике я всё-таки найду себе жениха? Но пока я нашла только смерть, кровь, отравителей... и Ориана.

И посмеяться бы, да не смешно.

– Рассказать? Что же, слушай...

И действительно рассказала – чётко, лаконично, без лишних эмоций. Так, как нас учили. Так, как я наловчилась в лечебнице, чтобы сохранить чужую жизнь, когда время идёт на мгновения.

А Ориан слушал. Сидел напротив, не отводил взгляда и просто слушал. И от этого становилось легче, потому что как бы я ни язвила, смерти его величеству не хотела. Больше того, внутри соглашалась, что это раздерёт империю в клочья, а Ар станет так себе правителем. В ближайшие десять-пятнадцать лет точно. И даже готова была помочь сохранить императора – по мере сил.

Наверное.

– А после... я не знаю, что было после.

Потянулась было за молоком, но вспомнила о яде. И не ожидала, что Ориан поднимется и принесёт мне воды. Поблагодарила кивком, опустошила почти половину, откашлялась.

– Тьма исчезла, втянулась в императора, а я... начала бросаться в него пульсарами.

Рассказывать становилось сложнее. Всё-таки Оллэйстар

в моём сознании ассоциировался с чем-то сильным, надёжным, но официальным. Правильным и действующим по правилам, в отличие от того, что происходило сегодня ночью.

– Пульсарами? – Пусть уголки губ приподнялись, но взгляд Ориана остался озабоченным. – Тебе повезло, многие мечтали бы повторить подвиг.

– И ты?

На этот раз он ответил после недолгой паузы.

– Нет. Не пульсарами. – И насмешливо пояснил в ответ на поднятую бровь: – Есть способы интереснее. Тем более, Лем не так уж хорошо владеет мечом.

И настолько правдиво это прозвучало, что я не удержалась – рассмеялась вместе с Орианом. Это помогло безболезненно рассказать последнюю часть истории.

– Вот только после пульсаров... – Шею обдало жаром, я потянула ворот и отвела глаза. – Я не смогла... почувствовала что...

– Ты испугалась. Тем диким, животным страхом, который ощущаешь только на грани жизни и смерти. Когда либо ты, либо тебя.

Испугалась? Да если бы!

– Нет, я... его величество схватил меня. Быстро, что неудивительно, учитывая разницу в возрасте, опыте и... – Тряхнула головой, понимая, что заговариваюсь. – Он говорил, что меня нужно убить. Ещё до тьмы, а после...

Да сколько можно ломаться! Если уж решилась, то гово-

ри как есть. Тем более, Оллэйстар, возможно, единственный, кто может и знает, как помочь. Нам обоим.

– После того как странная сила убралась, я почувствовала желание. – И фыркнула, глядя на лицо Ориана. Закатила глаза. – Да, то самое. Слишком сильное, неконтролируемое. И поддалась ему. А дальше провал в памяти и безрадостное утро с пошлыми императорскими лирбами.

– Лирбы и правда пошлые, я давно говорил Лему, – задумался Ориан. Такого финала он явно не ожидал. – Остальное... не уверен, что Лем обрадуется, если я расскажу, *что* с ним, но кое-что ты должна знать.

Он вскинулся, и от беспощадности в его глазах по мне поползли неуютные мурашки.

– Мне это не понравится, да? – с кривой усмешкой подтянула под себя ноги.

– Ты должна была его бояться, Ариса. До паники, до желания оказаться как можно дальше, даже если через окно. Словно перед тобой сама смерть, – Ориан поджал губы. – Это естественная реакция любого живого существа на то, *что* представляет собой его императорское величество. И есть лишь один способ не бояться, но я бы знал, если бы Лем на это решился.

Прекрасно. Другими словами, в таком виде величество развлекается далеко не первый год. И Ориан в курсе, возможно, даже поощряет и помогает. Закапывать трупы, например. А теперь императору грозит... что? И грозит ли, во-

обще, что-нибудь или болезнь он выдумал себе сам?

Такое действительно бывало, мозг срабатывал на опережение, и люди получали, что хотели. В этом случае лечение стоило начать с головы, вот только вряд ли величество подпустит к себе воздушника. Тем более, они хоть и ментальные маги, но до сих пор не до конца изученные. А делать из мозга императора желе не позволю даже я.

Лучше любая другая смерть, чем безвольное тело, в которое превращались неудачные пациенты ментальных магов.

– И, Ариса, его величество тебя не травил. – Я подняла взгляд. – Ваш первый поцелуй даже поцелуем не был, лишь необходимостью. Лем действительно умер в твоей постели, а его тело перекинулось в более безопасную форму. Но чтобы набраться сил, ему требовался физический контакт с любым живым существом, которое окажется рядом.

– А рядом подвернулась я.

Моё хвалёное любопытство сложило лапки и попрощалось. И я вместе с ним не хотела как знать конец этой истории, так и участвовать в ней. Только ночной визит величества и откровения Ориана отправили к шаргховым предкам все мои желания.

– Можешь верить или нет, но я уверен, что всё не случайно. Возможно, рианы, наконец, вмешались в судьбу брошенного мира, но не просто так Лем впервые в жизни ошибся и вместо своей спальни переместился к тебе. – Для храмовника Ориан выглядел слишком мрачным. – Поэтому я прошу

тебя помочь. Не угрожаю, не подкупаю, не вру. Всего лишь надеюсь, что тебе, как и мне небезразлична судьба империи и Анершерата.

И, конечно, мне было небезразлично. Но я понимала и то, что Ориан не дурак, причём опытный не дурак – он точно знал, на что давить.

– Хорошо, – выдохнула, наконец, чувствуя себя по наивности где-то на уровне Эль. – Я постараюсь вылечить его императорское величество.

– Не сомневался в твоём сострадании, – довольно ответил Ориан и подхватился с места.

Ещё бы он сомневался! Все знали, чем опытнее лекарь, тем он циничнее. Только молодые и глупые рыдали над каждым, кого не успели или не смогли спасти. В то время как в глазах куратора Шадалберга всегда сквозило равнодушие. Словно он устал от этого мира, от лечебницы, от своих учеников и, особенно, от больных. Младшие лекари осуждали его за это, но мало кто понимал, что цинизм – единственный способ сохранить сердце и разум. Ведь с каждым погибшим от души откалывался маленький, но болезненный кусок.

И Ориан просчитался лишь в одном – я никогда не плакала над трупами, чьими бы больными они ни были. Я злилась и искала – то, что в следующий раз позволит спасти не одну – сотни жизней.

После отравления, виновника которого ещё предстояло найти, тело отдохнуло достаточно, чтобы подняться и усмех-

нуться вслед уходящему Ориану.

– Я вылечу императора. – Если смогу. – Но только после того, как вы оба выполните мои условия.

Глава 9

Сумерки повисли над белоснежным, освещённым самими рианами дворцом. Если, конечно, Анер, Авор и Аитая действительно существовали, а не были придуманы древними фанатиками.

Сложно верить в неземное, когда каждый день встречаешься со смертью. И жаль, что это не метафора.

Стоящий у окна, он усмехнулся, а потом поднял руку и повернул тыльной стороной ладони. Зараза разворачивалась – древне-анершератские письма проступали на коже без всякого перевоплощения. А, значит, оставалось всё меньше времени. На подготовку Ара – в том числе.

– Лориан? Не помешаю?

– Нет.

Он не стал возвращаться за стол, подошёл к сестре, взял за руку и проводил к креслам. Дёрнул за шнур, зная, что через минуту на стол накроют. Ему – тёплое молоко, ей – теври и любимые пирожные её высочества.

– Что происходит, Лориан? Араэл в чём-то провинился перед тобой? Почему ему убрали поездки в корпус боевых магов, дипломатию, тактику и стратегию?

Потому что после смерти отца не помогли ни дипломатия, ни любовь боевиков. Ему пришлось выплывать самому – никто не предоставил умного Оллэйстара, чтобы вовремя

останавливать или разворачивать не те решения. Араэлу повезло больше.

– С завтрашнего дня обучением Ара займётся лично Ол-лэйстар.

Слуги справились быстрее обычного. Бесшумно вошли, накрыли на стол, попутно давая Рэни время на раздумья.

– Наказание?

Как будто он наказывал близнецов ради собственного развлечения.

– Привилегия. Ориан – ректор академии, у него полно дел и кроме этого. Тем не менее он согласился.

– Да, но зачем? – Рэни прикусила губу. Она всю жизнь боролась с дурной привычкой, но та всегда вылезала, когда речь заходила о близнецах. – Араэл он... Лориан, ты в его возрасте был ещё хуже, – всё-таки заломила руки. – И эти слухи про его связь с Виалентой Торканн – это только слухи. Он опозорил девчонку, она не стала бы снова связываться с Аром.

– Мне абсолютно безразлично спит супруга регента Ми-ерии с Араэлом или нет. Это дело Торканна, не моё. Что касается занятий с Орианом – они будут, и я не желаю это обсуждать.

Рэни поджала губы. Всегда холодная и совершенная на людях, она с трудом сохраняла контроль рядом с ним. И не знала, что это вина не её, а силы, что текла по его венам. Противоестественной, жуткой, опасной. Она не просто по-

давляла, она вытаскивала наружу все людские страхи, подавленные желания, усмирённые черты.

– А Элион? Ему тоже грозит Оллэйстар?

Она произнесла «Оллэйстар» так, как могла бы Гвинбор или Пустошь.

– В ближайшее время.

Потому что, если Ар не справится, его место займёт брат. Да, равнодушный к политике, но умный и способный сдерживать эмоциональные порывы.

– Лориан, мальчики уже достаточно наказаны. – Рэни подняла на него влажные, сверкающие глаза. – Ты убил их отца, отобрал почти всё и продолжаешь давить. Они уже взрослые, Лориан. В этот раз найти их на краю Анершерата будет не так легко.

Также, но ей об этом знать необязательно. Хотя...

– Свою кровь я найду даже на дне Ассарийского моря.

В прошлый раз нашёл с помощью Салхи – так думали все, даже сам бывший Ищейка. Да и зачем кому-то знать, что он отслеживал близнецов каждый день, поминая шаргха и малолетних идиотов, недобравших приключений.

– Им достаточно титула моих наследников. – Разговор надоел. Он поднялся и переместился за стол, Рэни встала. – Что касается предателя Дитмара – я ещё до свадьбы предупредал тебя, что смазливая физиономия вчерашнего свинопаса обернётся неприятностями.

– Твоя тоже смазливая! – рыкнула Рэни, осознала и скло-

нилась в глубоком поклоне под его взглядом. – Прошу прощения, ваше императорское величество, сегодня неудачный день для бесед.

Неудачный. Девчонка Кевинбург завела его ещё с ночи, то и дело приходилось давить рвущуюся наружу магию. И это не добавляло любви к странной девице, которую он якобы обесчестил. Хотя, может, на самом деле...

– Поговорим завтра. Официально, – с нажимом. – Алкест запишет тебя на аудиенцию.

– Алкест? А как же Август?

– Разжалован.

Потому что надо быть идиотом, чтобы пропустить в кабинет императора вертлявую девицу. Даже такую наглую и любопытную, как эта. А идиотам не место во дворце и, тем более, в его приёмной.

– И всё же я умоляю, ваше императорское величество, – Рэни не поднимала глаз от ковра, – поговорите с Аразлом, ему это нужно. Объясните, что это не прихоть. В его возрасте...

– В его возрасте я раскрыл третий заговор против короны и самолично отрубил голову предателю, – жёстко. – Но не будем об этом. Иди, Рэни, Алкест с тобой свяжется.

– Доброй ночи, ваше императорское величество.

Вполовину злая, вполовину раздосадованная сестра попятилась на два шага, развернулась и только тогда пошла к двери, с каждым мгновением возвращая себе хвалёную холод-

ность и уверенность. Мягко хлопнула дверь, заглушая суету по ту сторону.

Он прикрыл глаза и откинул голову на спинку кресла, прислушиваясь к тьме. Та ворчала, маялась, но подчинялась, позволяла загнать себя в дальний угол сознания. Приятно, ведь его вчерашний срыв закончился смертью.

Не стоило самому лезть в грязнейшие уголки Унаша, это не принесло ни пользы, ни удовольствия. Особенно когда его всё-таки задели – длинным и грязным, что с успехом заменило яд, мечом. И изначально благая миссия по уничтожению шайки, издевающейся над половиной Старого города, едва не обернулась катастрофой. *Он* едва не обернулся катастрофой, что уничтожила бы не половину Старого, а весь Унаш вместе с императорским дворцом.

А потом... потом он ошибся, оказавшись в чужой спальне. Впервые в жизни, хотя любая ошибка для него становилась последней. Эта не стала.

Смешно, но он первый раз после Ориана кого-то спас. Пусть даже сначала едва не убил, выпивая девчонку Кевинбург в попытке перекрыть собственные потери. И вдвойне удивился, когда услышал тихий, но вдох. Остальное случилось на одних рефлексх, что были и требовали спасти. Метнуться в личную лабораторию, прихватить зелье, которым спасался сам, и влить его в девчонку, что уже начала бредить. И помянуть шаргха со всеми рианами, когда вместо полуживого трупа ему досталась бойкая и восстановившаяся за счёт

его же тьмы асса.

Но один вопрос всё-таки остался. Почему сейчас магия подчинялась, хотя должна рвать и метать? Требовать новых жертв и крови. Что произошло за сутки? Всё из-за прихваченной случайно души ассы Кевинбург? Вряд ли. После разговора с Орианом он проверил – большая часть осталась хозяйке, а меньшая удачно залатала дыры в тех местах, где убийственная сила добралась до жизненных резервов. И держала до сих пор, чего давно не случалось – обычно выпитые крохи развеивались в течение пары часов.

Отсюда и репутация любителя развлечься за счёт симпатичных служанок. Физический контакт – лучший и самый быстрый способ заштопать собственные бреши. А то, что девушки выходили от него хорошо пожёванными, так это темперамент его императорского величества сказывался. Только темперамент и ни разу не тьма, что этими девицами питалась.

– Ваше императорское величество, – вошёл Алкест, – к вам посетительница.

Довольная усмешка сама легла на губы. Асса Кевинбург. Что, не может уgomониться и решила продолжить скандал? Отлично, она намного лучше случайных служанок и глупейших девиц двора. Тем более, та ночь скрывалась за странной дымкой, словно он был сильно не в себе.

И что бы ни говорил Ориану, совсем не прочь повторить, для лучшего запоминания.

– Пропусти, – кивнул, ожидая увидеть длинные светлые локоны и гордо поднятый подбородок, но...

– Ваше императорское величество, – проблеяла... служанка.

И кто её пропустил в приёмную императора? Придётся снова менять секретаря.

– Слушаю, – скривился, внешне оставаясь равнодушным.

– Я уповаю на вашу справедливость, – бросилась та на колени. – Не оставьте вашу глупую подданную. Накажите по справедливости тех, кто сильнее и могущественнее.

Песня, старая как мир. Хочешь справедливости? Поищи. Тем более, он сам с радостью бы познакомился с этой неуловимой тварью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.